

НОЛЬ МЕРИДИАНОВ ДОМОЙ

АННА ЛУНЦЕВА

Анна Лунцева

Ноль меридианов домой

«Автор»

2026

Лунцева А.

Ноль меридианов домой / А. Лунцева — «Автор», 2026

Ива Ран проводит лекарства и данные по рекам, существующим только в чужих снах. Каждый постоянный маршрут стирает один ориентир её личной карты дома. Когда обсерватория Лира начинает продавать прогнозы чувств и превращать чужие страхи в управляемое будущее, Ива обнаруживает: её собственные воспоминания уже стали частью системы. Рядом оказывается Рен Астэр — астроном этики, который знает цену прогнозам лучше других и всё же нарушил главное правило: без согласия прочёл расчёт гибели их любви. Чтобы спасти спящие поселения, им придётся разоблачить механизм самосбывающихся чисел, научиться не решать друг за друга и построить сеть, где любой берег вправе сказать «нет». Финальный путь потребует от Ивы всей карты домой. Но даже после победы останется главный вопрос: можно ли вернуться, если ни одно воспоминание больше не указывает дорогу? «Ноль меридианов домой» — научно-фантастический роман о свободе от предсказанного будущего, цене согласия и близости, которую выбирают заново.

© Лунцева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Груз для спящих	6
Глава 2. Последний домашний знак	12
Глава 3. Этик с закрытым файлом	17
Глава 4. Остров вне фазы	26
Глава 5. Продано: надежда	36
Глава 6. Маяк Мары	44
Глава 7. Не спрашивать будущее	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Лунцева

Ноль меридианов домой

От автора

Мы любим точные числа за обещание порядка. Но даже верный расчёт меняет человека, который его прочитал, особенно если касается любви, страха или дома.

«Ноль меридианов домой» — история о мире, где чувства измеряют по течению коллективных снов, а прогнозы продают как личную судьбу. Здесь наука не враг, а непредсказуемость не ошибка. Опасность начинается там, где инструмент наблюдения получает право решать за наблюдаемого.

Если привычная карта исчезнет, дом может остаться в людях, готовых каждый раз заново назвать тебе берег.

Глава 1. Груз для спящих

В ночь, когда река пошла против сна, я везла на Нерей шестьдесят ампул жаропонижающего и не знала, что к утру Лира сотрёт сам факт рейса.

Ампулы лежали в грузовом гнезде под моими коленями. Каждая была обёрнута серой ватой, каждые десять — стянуты пломбой врачебного дома. Я пересчитала их трижды, хотя прозрачная крышка показывала все шесть рядов. Когда везёшь лекарство детям, арифметика становится суеверием.

— Пульс девяносто два, — сказала Тала из яви. — Для тебя высоко.

Её голос пришёл через костяную дугу у меня за ухом. Он был сухим и близким, будто сестра стояла рядом на причале, а не сидела этажом выше среди приборов координационной.

— Для меня нормально, когда под ногами нет пола.

— Под ногами у тебя палуба.

— Палуба существует только потому, что три тысячи человек согласились уснуть одновременно.

— Четыре тысячи сто восемьдесят семь. Не обесценивай работу координатора.

Я улыбнулась, и лодка качнулась подо мной. Река всегда слышала лишнее.

В яви мой катер лежал в сухом доке, пристёгнутый к ферме двенадцатью захватами. Здесь, во сне, захваты становились тёмными корнями, уходившими в воду. За кормой поднимался город: не тот, который мы видели днём, с противостормовыми ставнями и тросами между домами, а его общее воспоминание о себе. Башни были выше, улицы — уже, окна светились даже там, где дома давно стояли пустыми. Над крышами медленно плыли незнакомые созвездия. Их рисовала Лира, чтобы лоцманы не путали служебное небо с настоящим.

На востоке горела первая путевая звезда. На западе, за городской тенью, ждала вторая. Между ними лежала чёрная вода, и на ней уже проступала тонкая серебряная борозда маршрута.

Я положила ладонь на штурвальную скобу.

Пять ориентиров дома отозвались сразу.

Запах смолы на материнской пристани. Треск синей чашки, которую Тала уронила в мой одиннадцатый день рождения. Шершавая дверная притолока, где отец отмечал наш рост. Соль на губах после первого самостоятельного выхода за штормовой пояс. И голос матери, зовущий нас с реки до того, как сирены научили город кричать громче людей.

Пять точек. Моя личная карта возвращения.

Я назвала их про себя по порядку. Не потому, что боялась забыть. Лоцман никогда не забывает ориентир случайно. Река берёт их только в плату — за новый путь, закреплённый настолько прочно, чтобы по нему могли вести другие.

Сегодня мы шли по временному руслу. Один рейс туда, один обратно. Без платы.

Так обещал расчёт Лир.

— Ива, подтверждаешь груз? — спросил диспетчер.

Голос был незнакомый. Молодой, старательно лишённый интонации. В Лире любили людей, которые звучали как приборы.

— Шестьдесят ампул, температурный допуск соблюден, пломбы целы.

— Принимающая сторона?

В дуге щёлкнул новый канал.

— Нерей на связи, — произнесла женщина. Голос у неё был хриплым от недосыпа, хотя сейчас она наверняка лежала в синхронной капсуле. — Лея Тон, врач. Приём подтверждаю. Ива, у нас окно до четвёртого звона. Потом дети начнут просыпаться.

— Успею до третьего.

— Лира даёт сорок семь процентов.

— Лира не держит штурвал.

Диспетчер кашлянул, напоминая, что слышит нас. Лея тихо рассмеялась.

— Поэтому я и попросила тебя.

Я не стала говорить, что выбирать ей было почти не из кого. Два нерейских лоцмана заболели вместе со всеми. Третий сорвал карту на зимнем маршруте и теперь не мог найти во сне даже собственную кухню. Его тело просыпалось дома, но сознание всякий раз возвращалось с ощущением, что его выбросило на чужой берег. Лоцманы называли это бездомьем. В отчётах Леры стояло: «стойкая навигационная дезориентация».

— Координатор, готовность? — спросил диспетчер.

— Спящие сведены, расхождение фаз меньше двух десятых, — ответила Тала. — До порога семь секунд.

Служебные звёзды вспыхнули ярче. Город за кормой одновременно выдохнул тысячами грудей. Серебряная борозда перед носом лодки разошлась, превратилась в русло шириной в четыре корпуса.

— Три, — считала Тала. — Два. Один. Иди.

Я отпустила корни.

Лодку подхватило течение.

Первые минуты река всегда притворяется простой. Вода блестит, берега повторяют знакомые силуэты, маяки исправно отзываются на запрос. Новички верят глазам и начинают править по звёздам. Потом один из спящих переворачивается на другой бок, тысячи чужих воспоминаний смещаются на толщину вздоха — и прямой участок завязывается узлом.

Я смотрела не на берега. Я чувствовала давление русла через скобу.

Слева тянуло терпким дымом. Кто-то из общей связки видел пожар. Я дала малый ход вправо, пропуская тревогу под килем. Справа вода сделалась зелёной и вязкой — детский сон о стеклянном саде расползлся поперёк фарватера. Я коснулась первого ориентира, запаха смолы, и провела нос лодки по границе между чужим страхом и чужим чудом.

Грузовое гнездо пискнуло. Температура поднялась на одну десятую.

— Нерей, сколько тяжёлых? — спросила я.

Лея ответила не сразу.

— Девять. Трое младше десяти. У остальных пока держится вода.

Пока держится вода — так врачи говорили о больных штормовой лихорадкой. Сначала человек не мог проснуться полностью. Потом начинал выдыхать влагу даже в сухом воздухе, словно тело пыталось утопить само себя. Лекарство не лечило причину, но сбивало жар и давало иммунитету двое суток.

— Ясно.

— Ива, — вмешалась Тала, — твой пульс сто один.

— Считай спящих.

— Я умею считать двое чисел сразу.

— Это семейное проклятие.

— Нет, семейное проклятие сейчас держится за штурвал.

Я снова улыбнулась. На этот раз река под лодкой разгладилась.

Так работала навигация. Не команды, не сила и не тайная одарённость, о которой любили сочинять дешёвые романы. Чувство создавало уклон. Воспоминание давало направление. Ты не подчинял реку — предлагал ей достаточно ясную версию себя, чтобы она ненадолго согласилась стать дорогой.

Второй маяк показался после первого звона. Белая игла стояла на острове из перевёрнутых крыш. На вершине мерцал знак Леры: раскрытый круг с точкой вместо зрачка.

Я послала запрос. Маяк вернул глубину, скорость и расчётную устойчивость русла.

Семьдесят восемь процентов.

Через три удара — семьдесят четыре.

— Тала?

— Вижу. Фазовый шум со стороны Нероя.

— Лея, у вас кто-то просыпается?

— Нет. Мы добавили седативный свет, все капсулы в зелёной зоне.

— Диспетчер Лиры, проверьте маяк.

Молчание длилось дольше, чем требовалось прибору.

— Маяк исправен, — наконец сказал диспетчер. — Следуйте расчётному створу.

Белая игла раздваивалась. Один её отблеск лежал по курсу, другой дрожал левее, там, где никакого русла на карте не было.

Я моргнула. Отблеск остался.

— У меня паразитный створ.

— Визуальная аберрация, — ответил диспетчер слишком быстро. — Не взаимодействуйте.

— Аберрации не дают течения.

Левая сторона штурвальной скобы холодила пальцы. Оттуда тянуло слабым, но отчётливым уклоном. Вода знала дорогу, которой не должно было существовать.

Я сбросила ход.

— Почему мы замедлились? — спросила Лея.

— Проверяю развилку.

— Развилки нет, — сказал диспетчер.

— Теперь есть.

Я повернула скобу на четверть. Нос лодки качнулся влево, и под чёрной водой вспыхнули золотистые нити. Они шли против основного течения — тонкие, как сосуды на внутренней стороне века. Каждая несла обрывок чувства: облегчение, стыд, внезапную нежность, страх ответа. Не сырой сон, а уже измеренный и размеченный поток.

Данные Лиры.

Только Лира отправляла чувства по реке в таком виде.

— Вернитесь в створ, лоцман Ран, — произнёс диспетчер.

Исчезла и молодость, и старательная безличность. Остался приказ.

— Откуда служебный канал к Нерю?

— Вы неверно определили направление.

— Я пока ещё различаю исток и устье.

— Ива, не лезь, — тихо сказала Тала.

В её голосе было не согласие с Лирой, а знание обо мне. Если передо мной закрывали дверь, я начинала проверять стену.

Я коснулась течения вниманием. Золотые нити шли с Нероя к маяку, а затем уходили куда-то вверх, в невозможное служебное небо. Обсерватория забирала данные прямо из снов поселения. Без обозначенного маршрута. Без записи в лоцманском реестре.

И без платы, которой не бывает только в рекламных брошюрах.

— Лея, вы соглашались на эмоциональный отбор?

— На медицинский мониторинг, — ответила она. — Во время вспышки. Нам сказали, данные обезличены.

По золотым нитям пронеслось чьё-то чистое, узнаваемое отчаяние. За ним — любовь, направленная к определённому человеку, настолько отчётливая, что я на мгновение увидела мужскую руку на краю больничной постели.

Обезличенным этот поток не был.

— Ли́ра, регистрирую скрытый приток с персональными откликами, — сказала я. — Требую номер согласия и цену закрепления.

Диспетчер отключился.

Вместо него в канале возник мягкий женский голос:

— Лоцман Ран, это служебная диагностическая петля. Она не влияет на безопасность рейса.

— Назовитесь.

— Старший наблюдатель смены.

— Имя.

Пауза.

— Веда Сор.

— Номер согласия, Веда.

— Ваше разрешение не требуется.

— Моё — нет. Нерее — да.

Основное русло под лодкой дёрнулось. Белая игла маяка погасла, зажглась снова и сместилась на три градуса вправо. Если бы я шла на полном ходу, нас вынесло бы в зелёную заводь стеклянного сада.

Я выровняла лодку через третий ориентир — шершавую притолоку под отцовской ладонью.

— Не играйте маяком, — сказала я.

— Отклонение находится в пределах прогноза.

— Для вас всё находится внутри прогноза, если достаточно расширить пределы.

Тала втянула воздух.

— Ива, синхронизация просела. Четыре тысячи сто два. Потеряли восемьдесят пять спящих.

Река услышала число и сделалась мельче. Из воды выступили спины камней — чьи-то невысказанные обиды, чьи-то утренние решения, чьи-то лица, забытые почти всеми, но не до конца. Лодка царапнула днищем первый выступ.

Грузовое гнездо тревожно пискнуло.

— Температура плюс три десятых, — сказала Тала. — Ива, возвращайся на маршрут.

Я смотрела на золотые нити. Они пульсировали синхронно с маяком. Если я сейчас отмечу приток в путевом журнале, запись уйдёт в общий реестр и останется там до разбора. Если не отмечу, Ли́ра закроет петлю и скажет, что мне померещилось из-за фазового шума.

На Нерее девять тяжёлых больных.

Трое младше десяти.

Я включила запись скобы и провела ногтем поперёк холодного сектора. Прибор снял рисунок течения, направление, эмоциональную плотность и подпись маяка.

— Приток зарегистрирован, — сказала я.

— Запись создаёт угрозу устойчивости, — ответила Веда.

— Нет. Угрозу создаёт то, что вы прячете реку внутри реки.

— Вам неизвестно назначение контура.

— Тогда объясните после доставки.

Я вернула скобу в основной створ.

Течение ударило в борт, сердито, как разбуженный зверь. Белый маяк стал снова один. Золотые нити ушли под воду, однако их слабое притяжение осталось у меня в пальцах.

— Тала, дай опору по второму ориентиру.

— Синяя чашка?

— Да.

— Ты обвинила меня, хотя сама столкнула её локтем.

— Мне было одиннадцать.

— Тебе всегда одиннадцать, когда нужно избежать ответственности.

Я вызвала в памяти кухню: белый стол, полоску солнца, осколки густого синего цвета на полу. Тала стояла босиком и ревела от несправедливости. Через минуту я призналась матери. Ещё через пять мы вместе склеивали чашку золотистой смолой, хотя пить из неё уже было нельзя.

Русло подхватило эту простую последовательность — вина, признание, попытка исправить — и вытянулось вперёд.

— Хорошая опора, — сказала Тала.

— Потому что ты в ней победила.

— Потому что ты всё-таки сказала правду.

До третьего звона оставалось двенадцать минут.

Мы пошли быстрее.

Река сузилась между двумя берегами, собранными из спящих тел. Они лежали плечом к плечу лицами к воде, но я знала, что это только образ перегруженной связи. На каждом вдохе берег поднимался, на выдохе оседал. Иногда кто-то открывал глаза, и тогда в русле возникал водоворот.

Я держала курс по четвёртому ориентиру — соли первого выхода. В тот день шторм не казался стеной. Он был огромным живым расстоянием, которое разрешило мне пройти. Отец потом сказал, что смелость — плохое название для минуты, когда уже поздно поворачивать. Но гордился.

Сейчас поворачивать тоже было поздно.

На третьем звоне впереди показался Нерей.

Поселение снилось себе островом, хотя в яви стояло на базальтовой платформе посреди бурового пояса. Его дома поднимались из воды кругами, как ступени амфитеатра. На верхней террасе горело девять красных окон.

Лея ждала на причале. Во сне она была в белом халате поверх тёмного платья и держала фонарь обеими руками. За её спиной теснились смутные фигуры — дежурные, санитары, родители, все, кто согласился лечь в капсулу ради короткого транспортного окна.

Я подвела лодку к кольцу. Лея набросила швартовочную петлю, и в ту же секунду грузовое гнездо разблокировалось.

— Пломбы? — спросила она.

— Целы. Пиковое отклонение температуры четыре десятых.

Мы не могли передать ампулы из рук в руки. Людей река не переносила даже на длину причала. Лея открыла приёмную раму в своей версии сна, я выдвинула кассету в своей. На миг между нами возникли две одинаковые коробки: одна уже здесь, другая ещё там. Затем лодка стала легче.

В яви санитары Неря, должно быть, сорвали пломбу.

Лея прикрыла глаза, слушая далёкие голоса.

— Приняли. Все шестьдесят.

Только тогда я позволила себе отпустить скобу.

Пальцы не разжались. Тала велела мне по одному отнимать их от металла.

— Ты видела поток? — спросила я у Леи.

— Нет. Но последние три месяца Лира присылает нам прогнозы раньше, чем мы передаём сводки.

— Какие прогнозы?

— Паники. Агрессии. Отказов от лечения. — Она посмотрела на красные окна. — Иногда полезные. Иногда после них люди начинают вести себя именно так, как им предсказали.

— Сохрани все сообщения.

— Ты думаешь, они брали данные без согласия?

Я вспомнила золотую нить отчаяния и чужую руку у постели.

— Думаю, у Лиры есть дорога, которой нет на карте.

В канале щёлкнуло.

— Ива, — сказала Тала. Теперь её голос звучал совсем близко и совсем испуганно. — Путевая запись исчезла.

— Какая часть?

— От второго маяка до Нероя. В журнале пусто.

Я открыла панель скобы. Значок записи горел, но под ним стоял ровный ряд нулей. Ни рисунка притока, ни подписи маяка, ни моего запроса. Только служебная строка: «Рейс отозван до формирования».

Лодка была пришвартована у Нероя. Лекарство уже лежало в клинике. На другом конце маршрута четыре тысячи человек ещё спали ради нашего возвращения.

Но по версии Лиры мы никуда не выходили.

— Скопируй журнал координатора, — сказала я.

— Уже. Ива, они отзывают всю связку. У нас шесть минут до принудительного пробуждения.

На причале погас первый фонарь. Потом второй. Дома Нероя начали растворяться снизу вверх.

— Обратный створ? — спросила Лея.

Я посмотрела туда, где должна была гореть белая игла маяка.

Служебное небо было пустым.

А слева, под чёрной водой, золотые нити складывались в новую реку и звали меня по имени.

Глава 2. Последний домашний знак

Шесть минут — большой срок, если нужно проснуться. И почти никакой, если сначала надо найти дорогу домой.

Нерей исчезал вокруг меня кольцами. Нижние террасы уже ушли под чёрную воду, верхние стали прозрачными. Лея всё ещё стояла на причале, но сквозь её белый халат проступали красные окна больницы.

— Лира отзывает ваших спящих, — сказала я. — Будешь в яви через пять минут.

— А ты?

Я посмотрела на пустое место, где был обратный маяк.

— Чуть позже.

— Это плохой ответ.

— Зато честный.

Лея сняла с шеи тонкий шнур и обмотала им кнехт лодки. Шнур был сновидческой вещью, бесполезной в яви, но река приняла его как обещание связи.

— Возвращайся, лоцман.

— Лечи детей, врач.

Она кивнула. Причал провалился, и петля соскользнула с кнехта, не оставив следа.

Лодку понесло кормой вперёд.

— Четыре минуты сорок, — сказала Тала. — Прямой маршрут не отвечает. Я могу удерживать городскую связку, но Нерей уже выпадает.

— Золотое течение видно на твоих приборах?

— Только как помеха.

— Для меня оно достаточно настоящее.

— Ива, скрытый канал ведёт к Лире, не домой.

— Любая река имеет два направления.

Я развернула лодку к золотым нитям. Они сошлись у носа, но не образовали широкого русла. Это была щель между снами, рассчитанная на данные, а не на грузовой корпус. Вода в ней казалась тонкой плёнкой над бездонной темнотой.

— Не помещаемся, — сказала Тала.

— Поместимся, если сложить борта.

— У лодки нет складных бортов.

— В яви нет.

Я положила обе ладони на скобу и вызвала второй ориентир: синюю чашку, золотой шов, солнечную полоску на кухонном столе. Лодка отозвалась знакомой виной. Её борта сдвинулись, палуба стала узкой, как мостик. Грузовое гнездо под коленями исчезло — оно выполнило назначение и больше не нуждалось в образе.

— Три минуты пятьдесят, — напомнила Тала.

— Держи мне вход.

— Держу. И считаю это плохой идеей.

— Запиши возражение в семейный протокол.

— Он переполнен с твоих шести лет.

Я направила лодку в золотую щель.

Мир сжался до ширины моих плеч.

По обе стороны шли чужие чувства, освобождённые от людей, которым принадлежали. Вот страх девочки, которая слышала разговор врачей за дверью. Вот раздражение мужчины, вынужденного ухаживать за больным отцом. Вот облегчение матери после падения жара. К

каждому отклику были прикреплены холодные метки: возраст, длительность, вероятность поступка, стоимость прогноза.

Река Лиры не просто измеряла. Она сортировала.

На мгновение над водой проступили строки:

‘ОТКАЗ ОТ ЛЕЧЕНИЯ — 0,61`

‘АГРЕССИЯ К ПЕРСОНАЛУ — 0,34`

‘ПРИВЯЗАННОСТЬ, УСИЛЕНИЕ — 0,72`

Последняя метка держалась дольше других. Под ней дрожал тот самый образ руки у больной постели.

— Скопируй всё, — сказала я.

— Помеха не записывается.

— Тогда запоминай.

— Я не лоцман. У меня нет чувственной карты.

— У тебя есть глаза и привычка спорить. Пользуйся обоими.

Тала выругалась шёпотом и начала читать метки вслух. Координаторский канал записывал её голос отдельно от путевого журнала. Лира могла отозвать маршрут, но ей пришлось бы стирать человека.

Течение ускорилося. Золотые нити резали ладони через скобу. Служебные метки сменились лицами — десятками полупрозрачных лиц, повернутых к нам. Они не видели лодку. Они отвечали на вопросы, которых я не слышала.

— Это выборка, — сказала Тала. — Нерейские жители. Их будили внутри сна.

— Для медицинского мониторинга?

— Вопросов не вижу. Только реакции.

Впереди возникло разветвление. Правая ветвь поднималась к искусственному небу Лиры. Левая уходила вниз, под основной поток, в сторону нашего города. Обе были одинаково узкими.

Я нащупала течение слева.

Оно оказалось тёплым.

Дом всегда тёплый во сне, даже когда в яви отопление отключено третью неделю.

— Нашла обратный след.

— До отъезда две минуты двадцать. Ива, я не удержу тебя, если связка распадётся.

— Разбудишь меня вручную.

Тала молчала.

— Что?

— Твоё тело не отвечает на аварийный импульс.

Я крепче сжала скобу.

— Повтори.

— Капсула исправна. Импульс проходит. Но река держит тебя глубже расчётного уровня.

Золотые нити вокруг лодки дрогнули, будто слышали.

— Лира отрезала маршрут и оставила меня внутри?

— Не знаю. Не трать время на обвинение, пока мы не нашли способ.

Иногда младшая сестра говорит голосом матери, и возразить ей труднее, чем шторму.

Я повела лодку в левую ветвь.

Русло сразу потребовало имя.

Не слово — часть меня, достаточно точную, чтобы сделать эту служебную щель дорогой. Я предложила соль первого выхода. Течение попробовало воспоминание и отвергло. Предложила притоку под отцовской ладонью. Золотая вода помутнела, но лодку не приняла.

— Оно не знает этих ориентиров, — сказала я.

— Что знает?

Я закрыла глаза.

Скрытый поток ходил между Нереем, маяком и Лиroy. Но под ним оставался след нашего рейса, отозванного из журнала. Лира уничтожила запись, не сам факт. Лекарство пересекло реку. Мои руки держали штурвал. Течение помнило то, чего не признавал прибор.

Нужно было дать ему начало маршрута.

Запах смолы на материнской пристани.

Я увидела тёмные доски, нагретые солнцем. Мать сидела у воды и чинила сеть — не потому, что мы ловили рыбу, а потому, что после смерти отца ей требовалось занимать руки. Смола плавилась в швах. Я возвращалась с учебного выхода, слишком гордая, чтобы помахать издали. Мать всё равно подняла голову в тот миг, когда лодка вошла в гавань.

Вот что река знала: место, откуда я вышла сегодня. Место, куда собиралась вернуться.

— Нет, — сказала Тала.

Она поняла раньше, чем я успела назвать цену.

— Другого входа нет.

— Это постоянный маршрут.

— Короткий. Нелегальный. Возможно, одноразовый.

— Постоянство определяется не сроком. Ты свяжешь Нерей с домом без маяка. Река возьмёт ориентир.

— Если не свяжу, она возьмёт меня.

— Мы найдём другой способ.

До отзыва оставалась минута сорок.

Я могла вернуться к развилке и подняться в Лиру. Там наверняка существовал выход. Там же ждали люди, которые уже стёрли мой рейс и заблокировали пробуждение. Возможно, они вытащили бы меня из капсулы, задали несколько вежливых вопросов и объявили навигационно непригодной.

В лучшем случае лекарство дошло бы, а доказательство исчезло.

В худшем — я стала бы ещё одной строкой в прогнозе.

— Тала, когда мы были маленькими, мать запрещала нам прыгать с дальнего края пристани. Помнишь почему?

— Под сваями было течение.

— Ты всё равно прыгнула.

— А ты вытащила меня за волосы. И потом неделю всем рассказывала.

— Воспитательный эффект.

— Ива, не прощайся со мной историей.

— Я не прощаюсь. Я проверяю ориентир.

Я вдохнула смоляной запах глубже. В нём были солнце, вода, материнские пальцы, сеть, которую никто не собирался забрасывать. В нём было моё первое понимание дома не как стен, а как места, где замечают твоё возвращение.

Цена показалась непомерной.

Значит, река согласится.

— Запиши маршрут, — сказала я.

— Не имею права подтверждать добровольную утрату в аварийном состоянии.

— Тогда не подтверждай. Просто будь сестрой.

— Сестра велит тебе не делать этого.

— Услышала.

— Ива.

— Услышала, Тала.

Я открыла ориентир течению.

Смола вспыхнула у меня в груди чёрным солнцем. Золотая вода рванулась к нему. Лодку развернуло, прижало бортом к невидимой стене. Где-то очень далеко закричала Тала.

Я держала образ пристани, пока он не стал дорогой.

Сначала исчезло лицо матери. Не само лицо — я по-прежнему знала линию её бровей, складку у рта, серые волосы. Исчезла связь между лицом и тёплыми досками.

Потом сеть сделалась просто сетью.

Солнце погасло.

Последним ушёл запах.

Я помнила, что смола пахнет резко и горько. Помнила слово. Помнила химический состав из школьного курса. Но когда попыталась вдохнуть её в памяти, не почувствовала ничего.

На месте ориентира осталась гладкая пустота.

Левая ветвь распахнулась в широкое русло.

— Путь закреплён, — сказала я, хотя губы почти не слушались.

Тала плакала беззвучно. Я слышала это по дыханию.

— Четыре ориентира, — произнесла она наконец.

— Четырёх хватит.

— Не смей говорить так, будто это мелочь.

— Не буду.

Лодка вылетела из золотого потока за мгновение до распада связи.

Вокруг не было ни Нероя, ни служебного неба. Только наша домашняя река — широкая, тяжёлая, забитая обломками пробуждающихся снов. Вдалеке горели окна города. Настоящий обратный маяк молчал, но он уже не требовался: новый маршрут тянулся от пустоты внутри меня прямо к гавани.

— Тридцать секунд, — сказала Тала. Голос снова стал рабочим. — Течение разваливается. Полный ход.

Я дала полный.

По берегам вставали утренние комнаты. Люди садились в постелях, гасили ночники, звали детей. Каждый проснувшийся вырывал из реки клочок воды. Русло дробилось на каналы, каналы — на лужи. Лодка скребла килем по сухому камню.

Десять секунд.

Я вызвала синюю чашку. Впереди появилась полоса воды.

Семь.

Притолока дала мне высоту над мелью.

Пять.

Соль первого выхода толкнула корму.

Три.

Голос матери позвал нас с реки.

Я вошла в гавань на последнем слоге.

Пробуждение ударило светом.

Я выгнулась в капсуле, сорвала дыхательную маску и вдохнула холодный воздух координатной. Над лицом плавали лампы. Кто-то удерживал мои плечи. Кто-то говорил, что пульс падает. На языке был металлический привкус.

— Ива. Ива, смотри на меня.

Тала склонилась над капсулой. Волосы выбились из узла, под глазами темнели следы от контактной дуги.

— Груз? — спросила я.

— Доставлен. Лея подтвердила из яви. Первым девяти уже ввели препарат.

Я закрыла глаза.

— Не спи! — Тала стиснула мою руку. — Назови ориентиры.

— Чашка. Притолока. Соль. Голос.

— Первый.

— Чашка.

— Ива, первый был не чашка.

Я знала это. Перед чашкой находилось что-то ещё, важное настолько, что сестра побелела. Я могла описать пристань: размеры, число свай, трещину у западного кнехта. Могла вспомнить мать с сетью. Но всё это лежало в памяти отдельными сухими предметами, не указывавшими никуда.

Тала поднесла к моему лицу ладонь. На коже было тёмное липкое пятно.

— Что ты чувствуешь?

Я вдохнула.

Ничего.

— Машинное масло?

Она отвернулась. Плечи один раз вздрогнули.

— Смола, — сказала Тала. — С причала.

В координационной работала аварийная вентиляция. За стенами начиналась утренняя буря, и фермы здания низко гудели. Техники делали вид, что заняты капсулами. Никто не смотрел на нас.

Я села. Мир качнулся, но остался на месте.

— Журнал координатора сохранился?

Тала вытерла щёки тыльной стороной ладони.

— Голосовой слой — да. Метки, которые я успела прочесть, тоже. Путевой журнал пуст.

— Новый маршрут?

— На моей схеме есть. Прямой след от Нероя к нашей гавани, без маяков. Подпись твоя.

Значит, цена была уплачена не за призрак.

— Сделай три копии.

— Уже сделала. Одну отправила Маре.

Я посмотрела на сестру. Даже в одиннадцать лет, стоя среди осколков синей чашки, она умела действовать раньше, чем переставала плакать.

— Семейное проклятие, — сказала я.

— Четыре тысячи сто восемьдесят семь спящих, — ответила она. — И одна самоуверенная дура.

Дверь координационной открылась.

Вошли двое в серой форме Лиры. Между ними шёл высокий мужчина без форменной куртки, в чёрной рубашке с закатанными рукавами. Я узнала Рена Астэра раньше, чем он поднял глаза. Мы не виделись восемь месяцев, но тело хранит некоторые сведения лучше любой карты.

Он остановился у капсулы и сначала посмотрел на мою руку в руке Талы. Потом — на четыре зелёных точки над изголовьем. Пятая не горела.

На его лице появилось выражение, которое я не успела понять: боль, вина или подтверждение давно известного числа.

— Ива, — сказал Рен. — Нам нужно поговорить до того, как ты вспомнишь, что видела.

— Поздно. Я уже забыла то, что любила.

За его спиной сотрудник Лиры протянул руку к панели капсулы.

Тала встала между ним и моими четырьмя оставшимися ориентирами.

Глава 3. Этик с закрытым файлом

Человек в серой форме коснулся панели капсулы, и четыре зелёные точки погасли.

Не исчезли — ушли под серую плашку с гербом Лиры. Моя чашка, притолока, соль и голос матери превратились в имущество учреждения быстрее, чем я успела встать.

Тала ударила его по запястью.

— Ещё раз, — сказала она, — и я сломаю вам палец. Потом объясню комиссии, что спасала лоцмана от незаконного вмешательства.

Сотрудник отдёргнул руку не из страха. Просто нас стало слишком много свидетелей. Техники у стен перестали изображать занятость, а дежурная фельдшер подняла браслет-регистратор.

— Навигационный след сформирован на оборудовании Лиры, — произнёс второй сотрудник. — До выяснения причин аварии капсула и все записи опечатываются.

— Причина аварии вошла сюда на двух ногах, — ответила Тала. — У неё даже одинаковые куртки.

Я выбралась из капсулы. Пол качнулся, словно река не до конца выпустила меня. Рен сделал движение вперёд, но остановился прежде, чем я могла решить, нужна ли мне его рука.

Восемь месяцев назад он умел останавливаться на этой точке. За это я когда-то и впустила его в дом.

— Верните экран, — сказала я.

— После медицинского осмотра, — ответил первый сотрудник.

— Это не просьба.

— Аварийный рейс дал вам право на помощь, а не на распоряжение материалами расследования.

— Навигационные ориентиры не материалы. Они часть моей памяти.

Он посмотрел сквозь меня, как смотрят на неудобную строку в правилах: признают существование и надеются пролистать.

Рен подошёл к панели.

— Код основания блокировки, — потребовал он.

Сотрудник впервые изменился в лице.

— Внутренняя сохранность данных, предписание семь-двадцать.

— Семь-двадцать применяется после гибели спящего или утраты двух и более опор за один рейс. Здесь утрачена одна.

— Есть признаки несанкционированного маршрута.

— Тогда двенадцать-четыре. Она запрещает скрывать медицинские показатели от владельца профиля. Верните экран.

— Господин Астэр, директор распорядился...

— Верните экран или вслух назовите распоряжение Орма выше устава. Регистраторы включены.

Серая плашка исчезла. Четыре точки зажглись снова.

Я не поблагодарила. Рен не ждал.

Он всегда лучше всех знал, какое минимальное добро нужно совершить, чтобы его пустили к следующему решению.

— Капсула остаётся здесь, — сказал сотрудник.

— Остаётся, — согласилась я. — После того как Тала снимет независимый образ и врач подтвердит, что из неё можно безопасно извлечь данные.

Фельдшер подняла брови, но кивнула.

— Мне нужно двадцать минут.

— У вас пять, — сказал серый.

— Тогда заключение будет начинаться словами «давление со стороны Лиры».

Он отступил. Иногда власть упирается не в героизм, а в человека, который умеет правильно назвать файл.

Тала накинула мне на плечи термоодеяло и развернула переносной экран так, чтобы закрыть панель от серых курток. Её пальцы дрожали только тогда, когда ни к чему не прикасались.

— Сядь, — велела она.

— Я восемь часов лежала.

— Ты шесть минут умирала. Сядь.

Я села на край соседней капсулы. Рен остался напротив, за полосой жёлтой разметки. Он выглядел так, будто эта линия была проведена специально для него.

— Ты сказал: «до того, как вспомнишь, что видела», — напомнила я.

— Не здесь.

— Здесь прекрасная акустика.

— Ива.

— Ты знал, что обратный маяк исчезнет?

Тала не обернулась. Серые сотрудники тоже не шевельнулись, но координационная вдруг стала внимательной.

Рен посмотрел на четыре точки над капсулой.

— Я знал, что вероятность утраты ориентира сегодня выше обычной.

— Насколько?

— Не могу назвать число.

— Потому что не помнишь или потому что подписал запрет?

— Потому что число уже причинило достаточно вреда.

Я сняла термоодеяло. Под ним стало трудно дышать.

— Убери людей Лиры, — сказала я. — Потом расскажешь мне, какое ещё количество вреда считается достаточным.

Рен повернулся к сотрудникам.

— Ждите за шлюзом.

— Нам приказано контролировать оборудование.

— Вы контролировали его во время рейса. Результат стоит перед вами и недоволен. За шлюз.

Первый сотрудник сжал челюсть. Второй коснулся служебного браслета, вероятно, спрашивая разрешения у того, кто не желал появляться лично. Через несколько секунд оба вышли. Дверь закрылась, но красный огонёк внешней записи остался гореть.

— Тала, заглуши звук, — попросил Рен.

— Нет.

— Тогда мы ничего не сможем обсудить.

— Отлично. Можешь уходить.

Я коснулась её локтя.

— Оставь запись у себя. Наружу дай пустой контур.

— Они увидят вмешательство.

— Пусть увидят сбой после собственного отзыва рейса.

Тала коротко взглянула на меня, затем открыла вентиляционный канал. Гул бури усилился. На внешней записи наши голоса должны были раствориться в белом шуме; на её браслете продолжал работать автономный микрофон.

Рен заметил оба действия. Ничего не сказал.

— Начни с маяка, — потребовала я.

— Вчера вечером модель Лиры зафиксировала возле Нероя эмоциональное возмущение. Обычно такие возмущения предшествуют разрыву связки или ошибке лоцмана.

— Модель измерила страх больных людей и решила, что я собьюсь с курса.

— Она связала несколько групп признаков. Состояние поселения, слабость второго маяка, твои предыдущие маршруты.

— Мои маршруты открыты службе навигации. Зачем этику персональный прогноз?

— Потому что система поставила этическую блокировку.

— Сама?

— После моего запроса.

Вот оно. Не признание — дверь к признанию.

— Какого запроса?

Рен провёл большим пальцем по внутренней стороне запястья. Там проходил тонкий белый шрам. Я знала его происхождение: в детстве он разбил линзу отцовского телескопа и пытался поймать осколок. Я знала десятки таких бесполезных подробностей и не знала, что он делал с моим будущим.

— Я проверял, влияет ли наблюдение на исход, — сказал он.

— На чей исход?

Он молчал на один вдох дольше необходимого.

— Мой и твой.

Тала перестала печатать.

За стенами координационной бури прокатилась по крыше горсть льда. В детстве мы считали секунды между вспышкой и ударом, чтобы понять, близко ли гроза. Теперь вспышка уже случилась, а расстояния до удара я не знала.

— Ты заказал прогноз наших отношений?

— Не заказал. Он возник как побочный контур служебной модели.

— Машина случайно заглянула нам в постель?

— Она не видит постель. Она сопоставляет решения.

— Чьи?

— Наши.

— Откуда у Лиры были мои решения, Рен?

Он посмотрел в сторону панели капсулы.

Ответ пришёл раньше слов. Из рейсов. Из реакции на риск, из времени, которое я тратила на выбор маршрута, из того, какой голос лучше возвращал меня из глубины. Возможно, из кухонного стола и чашки, которые я отдала в регистрационный набор, потому что Лира обещала использовать их только для навигации.

— Ты разрешил модели взять мои ориентиры, — сказала я.

— Я разрешил проверить уже сформированный вывод на конфликт интересов. Персональный слой должен был оставаться закрытым для всех, включая меня.

— Но ты его открыл.

Рен не отвёл глаз.

— Да.

Одно короткое слово оказалось убедительнее оправданий. Я встала, и пол снова пошёл волной. На этот раз я удержалась без чужой руки.

— Когда?

— Восемь месяцев назад.

Точно перед тем, как он ушёл.

Не после нашей последней ссоры у западного шлюза. Не после того, как я сказала, что не стану выбирать безопасные маршруты ради его спокойствия. Не после двух недель осторожных разговоров. До всего этого.

— Ты прочитал число, — произнесла я, — а потом сделал вид, что принимаешь решение сам.

— Я принял его сам.

— Подсказанное машиной.

— Именно поэтому я закрыл файл и потребовал исключить его из любых рекомендаций.

— После того как прочитал.

— После.

— Очень чистая этика. Сначала выпить яд, потом запретить бутылку.

Он принял удар молча. Раньше его молчание казалось мне уважением к словам другого человека. Теперь я увидела в нём инструмент: тот, кто не отвечает, выбирает момент, когда разговор продолжится.

— Как это связано с Нереем? — спросила Тала.

Она говорила сухо, почти без злости. Так сестра звучала, когда злость становилась слишком большой для голоса.

— Ночью закрытый файл изменился, — ответил Рен. — В нём появилась новая ветвь: сегодняшний рейс и высокая вероятность того, что Ива закрепит путь без маяка.

— Отдаст ориентир, — уточнила Тала.

— Да.

— Ты знал цену и не предупредил её.

— Если сообщить человеку прогноз, он начинает действовать относительно него. Избегает, подчиняется, доказывает обратное. Все три реакции меняют исход.

— Поэтому ты выбрал четвёртую, — сказала я. — Оставил меня слепой.

— Я пришёл остановить рейс.

— Ты опоздал.

— Рейс перенесли на сорок минут раньше. Мой запрет на запуск исчез из системы.

Тала развернула экран.

— Наше окно передвинула Лира. Сказали, что Нерей теряет связность.

— Нерей действительно терял её, — сказал Рен.

— Удобная правда, — ответила она. — Ею хорошо прикрывать другую.

Я вспомнила Веду Сор у второго маяка, её спокойное лицо и слова о медицинском мониторинге. Вспомнила золотые метки над чужим страхом. «Привязанность, усиление — ноль семьдесят два».

— Кто видел закрытый файл кроме тебя?

— Формально никто.

— Мне не нужен формальный ответ.

— Для пересчёта требуются вычислительные права отдела Орма. Я не могу доказать, что содержимое читали, но кто-то снял мою блокировку запуска.

— И отозвал журнал.

— Это другой уровень доступа.

— Выше твоего?

— Да.

— У Орма есть такой уровень?

— Да.

Имя директора легло между нами слишком легко. Подозрение — не доказательство, а Рен был обучен чувствовать разницу кожей.

— Ты пришёл не ради меня, — сказала я. — Тебе нужен мой навигационный след, чтобы доказать вмешательство.

— Мне нужен и след, и ты живая.

— В каком порядке?

Он не ответил сразу. И это было честнее, чем если бы назвал меня первой.

Тала извлекла из панели тонкую пластину независимого образа. Зажала её между пальцами, не показывая, куда уберёт.

— Копия готова, — сказала она.

Красный огонёк над шлюзом мигнул: люди Лиры требовали войти.

Фельдшер закончила проверку и приложила свой знак к панели.

— Физическое извлечение данных безопасно, — сообщила она. — Память спящей не трогать минимум сорок восемь часов. Повторное погружение запрещено на семь суток.

— Мне нужен доступ к новому маршруту, — сказала я.

— Вам нужен сон без аппаратуры и кто-нибудь рядом на случай провала ориентации.

— Это врачебное назначение или жизненный совет?

— Счёт выставлю только за первое.

Тала спрятала пластину в шов своей куртки.

— Она будет со мной.

— Нет, — сказала я.

— Ива.

— Тебе нужно проверить копии и связаться с Марой. Если они заберут капсулу, у нас должен остаться читаемый маршрут.

— А тебе нужно не падать.

— Я провожу её, — сказал Рен.

Мы обе посмотрели на него.

— Ты, — медленно произнесла Тала, — только что признался, что восемь месяцев скрывал от моей сестры персональный прогноз, построенный на её личных данных.

— Поэтому она не согласится ехать со мной, если у неё нет выбора.

— Верно, — сказала я. — Не соглашусь.

Рен кивнул, словно я подтвердила важную рабочую гипотезу.

— Тогда остаётся публичное место. Нижняя галерея Лиры, медицинское крыло. Там есть камеры, дежурный врач и терминал, с которого ты сможешь увидеть карточку файла.

— Карточку, но не содержимое?

— Содержание закрыто твоим правом не знать.

Я рассмеялась. Получилось хрипло.

— Моим правом? Ты уже прочитал его за меня.

— И не повторю это нарушение.

— Как благородно.

— Нет. Поздно.

В его голосе впервые появилась трещина. Не просьба простить, не попытка вернуть прежнее. Простое признание времени: поздно отменять прочитанное.

Снаружи снова потребовали открыть дверь. На этот раз к красному огоньку добавился обратный отсчёт до служебной разблокировки.

— Мара сможет прочитать маршрут без оборудования Лиры? — спросила я Талу.

— Если доберётся до него раньше них.

— Отправь ей контрольную сумму сейчас. Сам образ — по частям разными каналами.

— Они увидят передачу.

— Пусть гоняются за шестью пустыми пакетами и одним настоящим.

Тала улыбнулась одними губами.

— Семью не выбирают.

— Зато каналы выбирают.

Она быстро обняла меня. Не бережно — крепко, сердито, проверяя, что я целая. Потом вышла через техническую дверь вместе с фельдшером. Серые сотрудники ждали у главного шлюза и заметили исчезновение слишком поздно.

Я осталась с Реном.

— Нижняя галерея, — сказала я. — Пешком. Впереди меня не иди. Сзади ближе двух шагов не подходи.

— Хорошо.

— И ещё: не прикасайся ко мне без вопроса, даже если я падаю.

Он побледнел, но ответил сразу:

— Хорошо.

Служебная разблокировка открыла шлюз. Люди Лиры вошли, увидели пустую панель копирования и бросились к технической двери. Мы вышли в коридор через главный проход.

До обсерватории было три перехода. Город за стеклом просыпался под бурей: мосты прятались в защитные кожухи, ветровые башни поворачивали лопасти ребром, по водостокам шёл серый лёд. Лира возвышалась над крышами белым кругом, хотя настоящих звёзд отсюда не видели уже сто двадцать лет.

Рен держал два шага расстояния.

— Почему файл пересчитался именно ночью? — спросила я.

— В модель поступили новые данные с Нероя.

— Медицинские?

— Эмоциональные.

— Персональные.

— Судя по объёму — да.

— Без согласия поселения.

— Если согласие оформлено так, как сказала Веда Сор, то без согласия.

Я остановилась у стеклянного перехода. Внизу ветер гнал по площади мелкие обломки рекламных щитов. На одном ещё мигала надпись: «Знайте, что почувствуете завтра».

— Лира продаёт такие прогнозы?

— Не в прямом виде. Страховщикам — коэффициенты риска. Работодателям — устойчивость групп. Городским службам — вероятность паники и конфликтов.

— А людям?

— Рекомендации. Когда лучше говорить с ребёнком. Стоит ли принимать предложение. Насколько прочна привязанность.

— Последнее число я видела в реке.

Рен остановился тоже.

— Какое?

— Усиление привязанности — ноль семьдесят два. У больничной койки. Рядом со страхом ребёнка и раздражением мужчины, ухаживающего за отцом.

Он закрыл глаза на короткое мгновение.

— Это не должно попадать в транспортный слой.

— Многое сегодня не должно было случиться.

— Твой голосовой журнал нужно сохранить вне города.

— Уже советуешь, что мне делать?

— Нет. Называю риск.

Я пошла дальше.

Нижняя галерея Лиры была рассчитана на посетителей, которым нравилось чувствовать себя разумными. Матовое стекло, тихие стены, созвездия под ногами. Здесь продавали не будущее, а избавление от необходимости выбирать вслепую.

У медицинского терминала Рен приложил ладонь. Экран запросил второй допуск.

— Твой, — сказал он.

Я не прикасалась.

— Сначала объясни, что откроется.

— Название массива, дата создания, список обращений, основания доступа, перечень использованных категорий данных. Не прогноз.

— Можно ли закрыть файл так, чтобы ты больше его не видел?

— Можно отозвать мой доступ. Пересчёт это не остановит.

— Можно удалить?

— Только вместе с доказательством незаконной обработки.

Вот какой выбор он принёс мне: сохранить насилие над моими данными, чтобы однажды его доказать, или уничтожить след и оставить механизм целым. Лира умела превращать даже защиту в услугу с ценой.

Я приложила ладонь.

Экран раскрыл карточку.

`КОНТУР 8-А/ЛИЧНЫЙ`

`СУБЪЕКТ: ИВА РАН`

`СВЯЗАННЫЙ СУБЪЕКТ: РЕН АСТЭР`

`СОЗДАН: 241.08`

`ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕСЧЁТ: СЕГОДНЯ, 03:17`

Ниже шёл список источников. Навигационные реакции. Служебные перемещения. Медицинские показатели после погружений. Частота личных сообщений. Домашние климатические журналы. Записи голоса, использованные как якорь пробуждения.

Голос матери.

Я ощутила его не как звук, а как удар под рёбра.

— Они взяли мой последний ориентир.

— Копию сигнала, — сказал Рен.

— Не исправляй меня.

— Не буду.

В журнале доступа значились четыре открытия. Первое — автоматическое создание. Второе — служебный запрос Рена восемь месяцев назад. Третье — сегодняшний пересчёт под ключом директора.

Четвёртое произошло одиннадцать минут назад.

Пока мы шли сюда.

Пользователь не был указан. Вместо имени стоял пустой прямоугольник, тот же оттенок золота, что и скрытый поток под Нереем.

— Это ты? — спросила я.

— Нет.

— Можешь доказать?

— Только запросив аудит. Он предупредит того, кто открыл файл.

Я посмотрела на строку содержания. Рядом светились две кнопки: `ОТКРЫТЬ ПРОГНОЗ` и `СОХРАНИТЬ НЕВЕДЕНИЕ`.

Восемь месяцев назад Рен выбрал первую за нас обоих. Теперь кто-то снова открыл файл, пока Тала уносила копию маршрута.

Я нажала `СОХРАНИТЬ НЕВЕДЕНИЕ`.

Экран попросил подтвердить добровольный отказ от результата.

— Ты не хочешь знать, что там? — тихо спросил Рен.

— Хочу.

Палец завис над подтверждением.

Мне хотелось числа, потому что число можно ненавидеть. Хотелось увидеть дату, причину, точность. Хотелось узнать, была ли наша близость обречена до его молчания или погибла именно от него. Хотелось получить одну холодную строку вместо восьми месяцев вопросов.

Но река уже показала, как прогноз становится грузом. Человек несёт его в каждый следующий выбор и называет судьбой тяжесть, которую ему положили на руки.

— Поэтому не открою, — сказала я.

Я подтвердила отказ и отозвала доступ Рена.

Его имя в карточке стало серым.

— Теперь запрос аудита, — решила я. — Пусть тот, кто читает мой файл, знает, что я тоже вижу след.

Рен впервые за утро улыбнулся. Не радостно — почти с облегчением.

— Это опаснее.

— Для кого?

— Надеюсь, не для тебя.

— Плохой ответ.

— Зато честный.

Мои собственные слова вернулись чужим голосом.

Я отправила запрос.

Где-то в глубине Лиры закрылся файл. Где-то открылся другой.

На терминале вспыхнуло уведомление: доступ к контуру временно приостановлен до внутренней проверки. Рядом возникло служебное сообщение для Рена.

‘ЭТИЧЕСКИЙ ДОПУСК АННУЛИРОВАН.’

Он прочёл и убрал ладонь от панели.

— Быстро, — сказала я.

— Значит, ждали.

— Что ты теперь можешь?

— Почти ничего внутри Лиры.

— А снаружи?

— Сказать тебе одну вещь, которую должен был сказать восемь месяцев назад.

Я отошла от терминала.

— Не прогноз.

— Не прогноз. Я увидел число и испугался. Потом назвал страх заботой о тебе.

Галерея оставалась публичной. Камеры смотрели сверху. Между нами было два шага и закрытый файл.

— Этого недостаточно, — сказала я.

— Знаю.

— И моё право не знать не означает, что ты можешь решать, какие факты мне сообщать.

— Знаю.

— Нет. Пока только услышал.

Он кивнул.

Мой браслет завибрировал. Сообщение пришло по старому семейному каналу, которым мы с Талой не пользовались со школы.

‘КОПИЯ У МАРЫ. МАРШРУТ ЧИТАЕТСЯ.’

Следом — ещё одна строка:

‘ИВА, ОН НЕ ПРОСТО ПРЯМОЙ. ОН ОСТАЁТСЯ ОТКРЫТЫМ.’

Я перечитала дважды.

Постоянный путь между Нереем и нашей гаванью не исчез с пробуждением. Значит, по нему продолжали течь данные. Или мог пройти следующий груз. Без маяка Лиры. Без её разрешения.

Четыре оставшихся ориентира тихо отзывались во мне, проверяя границы утраты.

— Что случилось? — спросил Рен.

Я закрыла сообщение ладонью.

— У меня появилось право не говорить тебе.

И впервые с момента пробуждения пошла вперед не потому, что боялась его приближения, а потому, что знала, куда иду.

Глава 4. Остров вне фазы

Лея позвонила через девять минут после сообщения Мары.

Связь шла не по городской сети. Её лицо сложилось на моём браслете из золотых полос, словно скрытая река научилась изображать человека.

— Скажи, что ампулы испортились, — произнесла я вместо приветствия.

— Не испортились.

— Тогда скажи, что всем лучше.

Лея посмотрела в сторону. За её плечом металась красная тень аварийной лампы.

— Первые девять ответили на препарат. Жар снижается. Но у нас ещё двадцать семь заболевших, и трое ухудшаются быстрее расчёта. Нужна вторая партия.

— Вторая связка вечером.

— Не будет вечерней связки. Мы выходим из общей фазы.

Я остановилась посреди галереи. Рен едва не нарушил мои два шага, но успел отступить.

— После отзыва маяка?

— После вашего ухода остров начал просыпаться отдельно. Пятнадцать минут назад разница была три секунды. Сейчас — одиннадцать.

Для обычного человека одиннадцать секунд ничего не значили. Для реки сна это была другая ночь. Если Нерей продолжит смещаться, его жители будут засыпать, когда город уже просыпается. Общая вода между нами истончится, а потом исчезнет.

— Покажи нижние террасы.

Лея повернула браслет. Красные окна больницы плыли в серой мгле. За ними море било в защитную стену, хотя в нашем городе буря шла с севера, а на Нерее, судя по волнам, — с востока. Даже погода переставала быть общей.

— Маяк отвечает? — спросила я.

— Веда говорит, что Лира проводит настройку.

— А ты?

— Я говорю, что у трёх пациентов нет времени на формулировки Веды.

Рен поднял браслет, запрашивая разрешение говорить. Я кивнула.

— Лея Тон, — сказал он, — вам сообщали о принудительном отзыве рейса?

— Рен Астэр. Я узнала вас по человеку, который задаёт юридический вопрос врачу во время вспышки.

— Ответ даст основание открыть аварийный канал.

— Нет, не сообщали. Маяк погас без предупреждения. Потом нам прислали уведомление о профилактике задним числом.

— Сохраните его с меткой получения.

— Уже.

Она тоже умела действовать раньше, чем заканчивала злиться. Мне стало понятно, почему Тала доверила ей шнур у причала.

— Новый путь открыт, — сказала я. — Мара видит его из города.

Лея приблизила лицо к браслету.

— Без маяка?

— Да.

— Тогда веди груз по нему.

— Я не могу погружаться семь суток.

— Найди другого лощмана.

— Путь подписан моей картой. Для другого он будет чужим, пока не получит собственную привязку.

— Сколько времени это занимает?

Я не ответила.

Постоянные маршруты строили месяцами. Сначала лоцман проходил участок с пустой лодкой, потом с малым грузом, потом в разных фазах сна. Каждый поворот проверяли двое координаторов. На последнем испытании путь получал общий маяк, чтобы перестать зависеть от одного человека.

Я сделала всё за шесть минут и расплатилась ориентиром.

— Ива, — сказала Лея, — сколько?

— По правилам — тридцать один день.

— У меня три часа. Возможно, четыре.

Золотые полосы на экране дёрнулись. Где-то между нами река несла её голос по маршруту, которого утром не существовало.

— Состав второй партии?

Лея продиктовала. Препарат, охлаждающий раствор, два набора мембран для лёгочной поддержки. Общая масса меньше первой доставки, но контейнеры требовали непрерывного питания.

— Я найду способ, — сказала я.

— Не обещай способ. Дай время следующего контакта.

— Через сорок минут.

— Хорошо.

— Лея... Если разница фаз превысит минуту, не пытайтесь удерживать общий сон стимуляторами. Получите двойное пробуждение.

— Знаю.

— Откуда?

— Я врач острова, который Лира уже однажды «настраивала».

Связь оборвалась.

На месте её лица осталась золотая сетка. Она собралась в схему течения и погасла только тогда, когда я закрыла канал вручную.

— Маршрут сам проводит данные, — сказал Рен.

— Вижу.

— До твоего возвращения он этого не делал.

— Ты снова называешь очевидное.

— Потому что следующая мысль тебе не понравится. Открытый путь привязан не только к потерянному ориентиру. Он использует оставшиеся.

Я вызвала в памяти синюю чашку. Трещина с золотым швом была на месте. Притолока царапнула ладонь воображаемой щепкой. Соль легла на губы. Голос матери произнёс моё имя.

Все четыре откликнулись.

— Пока целы.

— Пока по каналу идут только данные.

— Поэтому ты предлагаешь оставить людей без лекарства?

— Нет. Предлагаю узнать цену до отправки груза.

— У них нет времени на твой любимый порядок.

— Порядок не мой любимый. Он нужен, чтобы мы не отдали четыре ориентира за одну партию и не потеряли канал вместе с тобой.

Я хотела возразить, но он был прав. От этого становилось только хуже.

Мара ждала в старой водомерной башне у южной гавани. Мы добрались туда пешком за двенадцать минут. Рен всё время держал расстояние. Один раз на мосту порыв ветра толкнул меня к перилам; он вскинул руку и не коснулся, пока я сама не выпрямилась.

— Можешь спросить, — сказала я.

— Уже поздно.

— Для следующего раза.

— Хорошо.

Мне не нравилось, что он учился быстро. Быстрое исправление легко принять за перемену, если очень хочешь вернуть знакомого человека.

Водомерная башня давно не мерила воду. Мара превратила её в кладбище списанных маяков. Линзы лежали на полках, как огромные слепые глаза; медные дуги свисали с потолка; под ногами шли кабели всех цветов, кроме разрешённого служебного серого.

Сама Мара сидела внутри разобранного излучателя по пояс и ругалась с ним.

— Если ты опять принесла мне нелегальную реку, положи у двери, — крикнула она. — Пол грязный, совесть чистая.

— Река уже у тебя.

Мара высунулась из корпуса. Её короткие волосы стояли дыбом от статического поля. Увидев Рена, она вытерла руки о комбинезон, но чище не стала.

— А это зачем?

— Потерял допуск, — сказала я.

— Тогда тем более у двери.

— Мне нужен его доступ к устройству моделей.

— Доступ, который он потерял?

— Я ещё помню архитектуру, — ответил Рен.

Мара вылезла, подошла вплотную и посмотрела ему в лицо снизу вверх.

— Память — опасная вещь, Астэр. Особенно чужая.

— Согласен.

— Не соглашайся со мной так быстро. Я готовила речь.

Она повела нас к центральному столу. Над ним вращалась проекция нового маршрута: золотая дуга от домашней гавани к чёрной точке Нероя. В отличие от обычных рек, она не мерцала в ритме спящих. Свет шёл постоянно.

— Он питается чем-то с двух сторон, — сказала Мара. — Я думала, остаточным зарядом маяков. Но нерейский маяк молчит, а наш обратный вообще не видит этот слой.

— Чувствами, — предположил Рен.

— Всё во сне питается чувствами. Назови блюдо, не кухню.

Я приблизила схему. По дуге бежали крошечные метки.

— Страх больницы течёт сюда. Что идёт обратно?

Мара увеличила домашний конец. От города к острову двигались неровные импульсы, слишком редкие для общего потока.

— Ожидание, — сказал Рен.

— Чьё?

— Тех, кто знает о рейсе. Техники, координаторы, семьи экипажа. Они ждут подтверждения, что груз дошёл.

— Груз дошёл, — сказала я.

— Но история не завершена. Журнал отозван, маяк исчез, ты потеряла ориентир. Незавершённость удерживает внимание.

Мара свистнула.

— Получается, Лира случайно создала реку из собственного сокрытия?

— Ива создала, — поправил Рен.

Я посмотрела на него.

— Не отдавай мне чужую вину в форме похвалы.

— Я говорю о механизме.

— Тогда точнее. Лира оставила меня внутри. Я нашла выход.

— Точнее, — согласился он.

Мара провела пальцем поперёк золотой дуги. На коже остался слабый свет.

— Для данных устойчивости хватит. Для груза нужен береговой контур. И лоцман.

— Можно провести контейнер дистанционно?

— По нормальной реке — нет. По этой я пока не знаю, какие правила уже нарушены.

— Людей она всё равно не перенесёт, — сказал Рен.

— Если предложишь испытать на себе, я поддержу науку.

Он промолчал.

Я положила ладони на край стола.

— У Леи три часа. Нужны препараты и мембраны. Я не могу погружаться.

Мара перестала улыбаться.

— Вес?

Я назвала.

— Холодильный контейнер пройдёт. Мембраны сложнее: у них собственный контрольный контур, он будет спорить с рекой за образ формы.

— Разделим груз.

— Кто поведёт?

— Я дам карту другому лоцману.

— Чем?

Ответ был перед нами: четырьмя ориентирами.

Лоцман мог поделиться временным участком карты через совместный сон. Для знакомой реки хватало поверхностной памяти — цвета двери, мелодии, прикосновения. Для необозначенного постоянного пути требовалось дать проводнику доступ к самой опоре.

Не потерять её. Разделить.

После разделения чужой страх мог отозваться внутри ориентира. Чужое решение — изменить его. Именно поэтому личные карты не передавали без крайней необходимости.

— Нет, — сказал Рен.

— Я не спрашивала.

— Тогда считай это обозначением риска.

— Риск обозначен.

Мара увеличила схему до отдельных узлов.

— Есть другой вариант. Не передавать карту человеку. Передать её берегу.

— Маяк, — сказала я.

— Не лиринский. Открытый. Собрать временную пару здесь и на Нерее. Если Лея найдёт подходящую линзу, мы синхронизируем их по твоему следу. Тогда другому лоцману понадобится только вести лодку, а не знать твой дом.

— На Нерее есть старый медицинский излучатель, — вспомнила я. — На крыше больницы.

— Излучатель — не маяк.

— Но у него есть фазовая линза.

— И врач, которая согласится разобрать оборудование во время вспышки?

Я вызвала Лею.

Она ответила сразу. Красная лампа за её спиной теперь горела постоянно.

— Тридцать две секунды, — сказала она. — Разница фаз.

— На крыше у вас медицинский излучатель старой серии. Нужна его линза.

— Он держит связь с дальними палатами.

— Мы превратим его в береговой контур.

— А палаты?

— Переведёте внутренние датчики на кабель.

Лея повернулась к кому-то вне кадра, быстро отдала распоряжение и снова посмотрела на нас.

— Что ещё?

Мара подалась к браслету.

— Инженер Мара Иль. Мне нужны маркировка линзы, длина дуги и человек с отвёрткой, который не падает в обморок от слова «гарантия».

— Гарантия закончилась двадцать три года назад. Человек есть.

— Вы мне нравитесь.

— Доставьте лекарства, потом решу взаимно ли.

Мара передала схему разборки. Золотой канал проглотил пакет без подтверждения городской сети. Через секунду Лея получила его.

— Постоянная связь уже работает, — сказала она. — Зачем тогда маяки?

— Чтобы провести массу, — ответила я. — И чтобы путь не ел мою карту.

Лея замолчала.

— Что значит «ел»?

Я не хотела объяснять. Не потому, что имела право не знать, а потому, что устала превращать утрату в служебную справку.

— За открытие пути я отдала один домашний ориентир. Если нагрузить его без берегов, могу потерять остальные.

— Тогда не грузи.

— У тебя три часа.

— Ива, необходимость не делает любую цену обязательной именно для тебя.

Рен отвернулся. Возможно, услышал то, что должен был сказать мне до рейса.

— Поэтому мы строим берега, — ответила я.

Лея кивнула.

— Поэтому строим. Но если не получится, решение о следующей цене не моё. И не пациентов. Твоё.

Врач с острова, где умирали люди, оставила мне право отказать. Лира, которая продавала безопасность, не оставила даже право знать о риске.

— Принято, — сказала я.

Мы работали двадцать семь минут. Мара собирала домашний контур из двух списанных линз и рамы водомерного датчика. Лея руководила разборкой на Нерее. Я держала схему маршрута открытой в памяти, не погружаясь: чашка обозначала вход, притолока — допустимую высоту берега, соль — направление, голос матери — возвращение.

Рен рассчитывал обратную связь.

Он писал формулы мелом прямо на полу. В Лире всё хранили на экранах, но закрытый доступ мог исчезнуть одним распоряжением. Мел не подчинялся директору.

— Если ожидание удерживает канал, — сказала Мара, соединяя дугу, — после доставки оно исчезнет.

— Изменится, — ответил Рен. — На Нерее появится облегчение. В городе — знание результата.

— Облегчение слабее страха.

— Но его можно усилить признанием.

Я поняла раньше Мары.

— Вернуть рейс в журнал.

— Да. Если люди увидят, что маршрут существует и груз доставлен, их общее знание станет берегом.

— Лира не вернёт запись.

— Не Лира. Координаторы.

Тала ответила на первый вызов.

— Маршрут разослан семью частями, — сообщила она. — Две Лира уже перехватила. Обе пустые. Что нужно?

— Опубликовать подтверждение первого рейса во внутреннем журнале гавани. С именами дежурной смены, временем, голосовой записью меток и подписью Леи.

— Это нарушение режима расследования.

— Да.

— Хорошо. Хотела убедиться, что мы одинаково понимаем утро.

— Подтверждение должно увидеть как можно больше координаторов.

— Тогда не внутренний журнал. Учебная тревога.

— Тала...

— При тревоге запись автоматически расходится всем сменам. Исправить потом нельзя, только добавить заключение. Дай мне шесть минут.

Она отключилась.

Рен закончил формулу и обвёл два значения.

— Даже с берегами нужен лоцман.

— Найдём добровольца.

— Которому придётся провести неизвестную реку во время расхождения фаз.

— Я объясню риск.

— Полностью?

Вопрос был справедливым и оттого резким.

— Полностью. До того, как он увидит лодку.

Я открыла список свободных лоцманов. После утренней аварии семеро были в обязательном отдыхе. Двое находились на дальних линиях. Оставался Кер Олан, который однажды заснул в собственной капсуле до начала связи и утверждал, что это повышает готовность.

Он ответил сонным голосом.

— Если это опять подмена на зерновом канале, я болен.

— Нелегальный путь к Нерее. Остров вне фазы, береговые контуры экспериментальные, груз медицинский. Возможны потеря маршрута, двойное пробуждение и повреждение чужого ориентира, если контур сорвётся.

Кер молчал.

— Это весь риск? — спросил он.

— Тот, который мы знаем.

— Плата?

— Обычная аварийная ставка из фонда гавани. Если фонд откажет, заплачу сама.

— Не заплатишь. У тебя три просроченных ремонта лодки.

— Два.

— Значит, один уже списали как безнадёжный. Когда связь?

— Через двадцать минут.

— Буду через десять.

Он отключился.

— Даже не спросил, кто ведёт координатором, — сказал Рен.

— Потому что знает: если звоню я, это Тала.

— А ты?

— Я буду берегом.

Фельдшер запретила погружение, не работу с поверхностным контуром. Я могла держать маршрут из яви, отдавая маяку отражение ориентиров, а не сами ориентиры.

Мара подняла голову.

— Это лазейка размером с твоё упрямство.

— Зато поместится груз.

На всех экранах башни вспыхнул сигнал учебной тревоги.

Голос Талы заполнил помещение:

— Внимание всем сменам. Разбор фактического аварийного рейса номер восемьдесят семь. Медицинский груз доставлен на Нерей в полном объёме. Обратный маяк отозван внешней командой. Лоцман Ива Ран вернулась по вновь сформированному постоянному маршруту ценой одного навигационного ориентира. В приложении — координаторская запись персональных меток, обнаруженных в служебном потоке. Подтвердите получение.

Сначала ответил один браслет. Потом три. Семь. Двенадцать.

На схеме золотая дуга стала шире.

Не потому, что люди испугались. Потому что узнали.

Нерей перестал быть чёрной точкой. Вокруг него проступил тонкий берег.

Лея прислала изображение разобранной линзы. По стеклу шла трещина, но фазовый рисунок сохранился.

— Годится, — сказала Мара. — Подключайте по схеме.

Разница фаз достигла сорока девяти секунд.

Кер вошёл в башню, застёгивая куртку на ходу. Он был на десять лет старше меня и выглядел старше ещё на одну бессонную ночь. Увидел Рена, мел на полу, золотую реку и только спросил:

— Где капсула?

— Внизу. Сначала согласие, — сказала я.

Я повторила риски. Мара объяснила устройство берегов. Рен назвал вероятность срыва диапазоном, а не одним числом: от восьми до двадцати трёх процентов, потому что модель не знала нового маршрута.

— Почему такая вилка? — спросил Кер.

— Чтобы не притворяться точнее, чем мы есть, — ответил Рен.

Кер прочитал форму, вычеркнул пункт о передаче данных Лире и подписал.

— Теперь капсула.

Мы спустились в нижний зал. Мара подключила дугу к старой учебной капсуле. Контейнеры уже прибыли из больничного склада: препарат в белом гнезде, мембраны отдельно.

Я встала у береговой рамы. Четыре стеклянные пластины ждали отражений.

Чашка.

Притолока.

Соль.

Голос.

На каждой появился слабый образ. Ни один не ушёл из памяти.

— Нерейский контур отвечает, — сказала Мара.

На дальней стороне золотой дуги зажёгся красный огонь больницы.

Кер лёг в капсулу.

— Если течение попросит имя? — спросил он.

— Не давай своё. Скажи: «Груз ждут».

— А если попросит дом?

— Скажи: «Дом не мой».

— Очень гостеприимная река.

Тала подключилась удалённо.

— Координатор готов. Нерей отстаёт на пятьдесят четыре секунды. Окно девяносто секунд, потом сон острова уйдёт под наш.

— Лоцман готов, — сказал Кер.

Все посмотрели на меня.

Я положила руки на раму. По стеклу прошёл холод.

— Берег готов.

Капсула закрылась.

Золотой маршрут принял лодку Кера неохотно. На схеме она казалась тёмной щепкой, зажатой между двумя слоями сна. Первый контейнер прошёл за двадцать одну секунду.

На двадцать второй чашка в стекле дрогнула.

Я увидела осколки на кухонном полу и Талу в одиннадцать лет, убеждённую, что мать перестанет её любить из-за разбитой вещи. Я сказала тогда, что любовь не измеряется целой посудой. Потом собрала чашку и заполнила трещины золотым сплавом.

Река потянула воспоминание.

— Нагрузка на первый ориентир, — сказала Мара.

— Держу.

— Не держи силой. Дай отражение, не источник.

Легко сказать человеку: не отдавай реке то, чем ты прокладываешь берег.

Я повернула чашку в памяти трещиной наружу. Не спрятала повреждение, а сделала его формой. Стеклянная пластина стабилизировалась.

— Первый контейнер у Леи, — сообщила Тала. — Кер возвращается за мембранами.

Разница фаз — пятьдесят восемь секунд.

Лодка показалась у домашнего берега. Кер не проснулся; развернулся внутри общего сна и взял второй груз.

На обратном пути река спросила имя.

Мы услышали это все — не словом, а пустотой в центре маршрута.

— Груз ждут, — сказал Кер.

Пустота приблизилась.

— Дом не мой.

Река ударила в береговую раму. Притолока под моей ладонью стала настоящей: шершавая, высокая, с зарубками нашего роста. Я почувствовала рядом отцовскую руку, хотя самого отца почти не помнила.

Золотой поток потянулся к ней.

— Нет, — сказала я.

Не реке. Себе.

Я не обязана была доказывать полезность каждой утратой. Не обязана была превращать дом в топливо только потому, что умела.

— Тала, дай в канал подтверждения.

— Какие?

— Все.

Голоса координаторов хлынули в реку.

«Получено».

«Рейс восемьдесят семь подтверждаю».

«Нерей виден».

«Груз ждут».

Сотни людей ещё не знали всей истории. Но десятки уже согласились удерживать факт, который Лира пыталась стереть.

Пустота отпустила притолоку.

Лодка Кера пересекла последнюю дугу. Мембраны возникли на крыше нерейской больницы за три секунды до того, как разница фаз перевалила за минуту.

Связка закрылась.

Стеклянные пластины погасли. Я проверила ориентиры.

Чашка. Притолока. Соль. Голос.

Четыре.

Кер проснулся и сразу потребовал воды. Мара села на пол рядом с мелом. Рен прислонился к стене, будто только теперь позволил себе дышать.

Лея вышла на связь через постоянный золотой канал.

— Оба груза у нас. Препарат вводим. Мембраны ставим третьему пациенту.

— Фаза?

— Ушла. Следующая общая связка неизвестна.

На схеме остров снова стал отдельной точкой. Но золотая дуга не исчезла. Два временных берега продолжали светиться, питаемые подтверждениями людей.

— Канал останется? — спросила Лея.

— Пока не знаю.

— Нам нужен постоянный. Не только на эту вспышку. Если Лира может выключить маяк, остров каждый раз будет зависеть от её решения.

— Временные контуры не выдержат регулярный груз.

— Тогда постройте настоящие.

Мара подняла с пола кусок мела.

— Построим.

Я посмотрела на неё.

— Это дорого.

— У меня кладбище деталей и плохие отношения с отделом списания.

— Незаконно.

— Ещё лучше.

Лея не улыбнулась.

— Ива, я должна сказать ясно. Сегодня вы привезли лекарство. Через месяц нам понадобятся семена для гидропоники. Через два — фильтры. Постоянный канал не чрезвычайная мера. Это условие, при котором Нерей остаётся поселением, а не медленно пустеющим островом.

— Я понимаю.

— Нет. Раньше мы тоже думали, что понимаем. Потом Лира стала решать, какая наша необходимость достаточно срочная для общей реки.

За её плечом люди переносили контейнеры по красному коридору. Один санитар поднял ладонь в камеру. Не благодарил — подтверждал получение.

— Пришли список того, что нужно для постоянного берега, — сказала я.

— Пришлю.

— И копию вашего согласия на мониторинг. Полную, с приложениями.

— Уже отправляю.

Золотой канал донёс пакет к Маре. Она открыла документ и быстро пролистала.

— Тут нет персональных реакций, — сказала она. — Только обезличенная частота сна, температура, признаки массовой паники.

Рен наклонился к экрану, сохраняя расстояние от меня даже теперь.

— Приложение шесть.

— Его нет.

— В уведомлении Веды должно быть шесть приложений. Здесь пять.

Лея посмотрела на свою копию.

— У нас никогда не было шестого.

— Значит, его добавили после подписи, — сказал Рен.

На моём браслете появилось новое сообщение. Отправитель — Лира, отдел внутренней безопасности.

ИВА РАН. В СВЯЗИ С НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЙ ПЕРЕДАЧЕЙ ДАННЫХ ВАША ЛОЦМАНСКАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ВРЕМЕННО ОГРАНИЧЕНА. ЯВКА НА СЛУШАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНА.

Ниже стояло время: через час.

— Они узнали об учебной тревоге, — сказала Мара.

— Они её получили, — ответила я. — Теперь знают все смены.

Рен прочёл уведомление с моего экрана.

— На слушании потребуют закрыть маршрут.

— Могут?

— Только если ты признаешь его личным производным контуром.

— Он мой. Я заплатила ориентиром.

— Берега удерживали другие. Лея предоставила линзу. Кер провёл груз. Координаторы дали подтверждения. Если путь считать общим, у Леры нет единственного владельца, которому можно приказать закрытие.

Мара начертила вокруг золотой дуги множество маленьких точек.

— Распределённый маяк, — сказала она. — Пока слабый. Но уже не твой в одиночку.

Я снова проверила четыре ориентира. Они принадлежали мне. Путь — уже нет.

Странно: это не было новой потерей.

Впервые за утро цена, которую я заплатила, перестала давать кому-то право владеть результатом.

— Хорошо, — сказала я. — На слушании так и скажем.

— «Мы»? — спросил Рен.

— Мара и я. Тала — по связи. Лея даст медицинское заключение.

— А я?

— Ты назовёшь диапазон риска и объяснишь, почему прогноз, прочитанный без согласия, меняет поведение. Потом отойдёшь на два шага и не будешь решать за меня.

Он кивнул.

— Хорошо.

В золотом канале мелькнуло новое изображение. Лея прислала показатели трёх тяжёлых пациентов. У двоих насыщение крови начало расти. У третьего падение остановилось.

Под таблицей она написала:

БЕРЕГ ПОДТВЕРЖДАЕТ ПОЛУЧЕНИЕ.

Мара вывела фразу на общий экран.

Дуга к острову стала чуть ярче.

До слушания оставалось пятьдесят три минуты. До следующей доставки — неизвестность. До момента, когда Лира поймёт, что скрытую реку удерживает уже не одна память, — возможно, ещё меньше.

Но Нерей больше не исчезал.

Глава 5. Продано: надежда

К началу слушания Лира успела вернуть мне запах смолы.

Он ждал в приёмной — густой, тёплый, невозможный. Так пахли доски материнской пристани после полудня, когда солнце вытягивало из дерева чёрные капли. Я остановилась у двери и на одно счастливое мгновение решила, что потеря оказалась временной.

Потом заметила распылитель под вентиляционной решёткой.

— Они сверились с твоим домашним профилем, — тихо сказала Тала в наушнике. — Или хотят, чтобы ты так подумала.

Я приблизилась к стене. Запах был почти точным. Не хватало соли, старой сети и дыма от соседской коптильни. Машина восстановила главную ноту, но не поняла, что дом никогда не пахнет чем-то одним.

— Выключите, — сказала я секретарю.

Девушка за прозрачной стойкой подняла глаза.

— Это стандартная успокаивающая среда.

— Для кого стандартная?

— Параметры подбираются индивидуально.

— Я не давала согласия.

Секретарь коснулась панели. Смола исчезла не сразу, словно помещение нехотя выпускало чужое воспоминание.

Рен стоял у дальнего окна. Он тоже почувствовал запах — я увидела это по тому, как напряглись его плечи, — но не подошёл. Мара сидела на полу возле разобранного переносного маяка и укладывала линзы в футляр. На слушание её пустили как технического представителя, однако стула не предложили.

Я села рядом с ней.

— Хорошее начало, — сказала Мара.

— Они вернули мне дом на три минуты.

— Нет. Продали пробник.

В двери напротив погасла красная полоса. Нас пригласили внутрь.

Зал этического надзора был круглым, чтобы никто не сидел во главе стола. Лира исправила этот недостаток светом: место старшего наблюдателя Орма освещалось сверху, остальные тонули в сером полумраке.

Орм оказался худым мужчиной с лицом, которое легко забывалось. Справа от него сидела Веда Сор. Слева — женщина из лицензионной палаты, представившаяся Неллой Вир. Ещё два места занимали представители медицинского отдела и внутренней безопасности.

Для Нерей отвели экран.

Лея появилась на нём в защитной маске, со следом от неё поперёк щеки. Тала подключилась голосом. Рен сел отдельно, под погасшей эмблемой службы этики.

Передо мной положили три карточки: признать нарушение, запросить смягчение, отказаться от показаний.

Я перевернула их текстом вниз.

— Слушание открыто, — произнёс Орм. — Предмет: несанкционированная передача персональных данных, создание опасного маршрута и привлечение лоцмана без сертифицированного маяка. Ива Ран, подтверждаете факты?

— Подтверждаю доставку лекарств на Нерей. Остальные формулировки требуют доказательств.

— В учебную сеть ушла запись с эмоциональными метками жителей.

— Запись доказывает, что метки собирала Лира без их согласия.

Веда положила ладонь на стол.

— Согласие существует.

Мара подняла две копии.

— На Нерее подписали пять приложений. В вашей системе их шесть. Покажите историю добавления шестого.

— Вы не сторона договора.

— Я технический представитель человека, чью карту использовали для перевозки ваших данных.

— Моих пациентов, — сказала Лея с экрана. — Моих соседей. Меня.

Орм даже не повернулся к ней.

— Доктор Тон, ваше заключение принято. Оставайтесь на связи для медицинских вопросов.

— Вопрос о согласии медицинский, если вы измеряете страх больных людей.

Нелла Вир кашлянула и придвинула к себе обе копии договора.

— История приложения будет рассмотрена отдельно. Сегодня мы оцениваем действия лопмана.

— Нельзя оценить их отдельно, — сказала я. — Вы отозвали маяк во время вспышки, стёрли запись рейса и продолжили выводить персональный поток. Я восстановила путь, потому что иначе люди остались бы без лекарства.

— Вы создали канал, свойства которого не понимаете.

— Я понимаю его лучше, чем вы рассчитывали.

На столе вспыхнула схема. Золотая дуга к Нерее была показана тонкой красной линией, рядом стоял знак опасности.

— Новый маршрут питается эмоциональной реакцией наблюдателей, — сказал Орм. — Вы публично распространили тревожное сообщение, чтобы усилить его.

— Мы распространили подтверждённый факт.

— Факт вызвал страх.

— Страх уже был. Вы его продавали.

В комнате стало тихо.

Я не знала этого наверняка до тех пор, пока не произнесла. Но увидела ответ на лице Веды: не удивление, а досаду человека, заметившего ошибку в чужом расчёте.

Орм сложил пальцы.

— Объясните обвинение.

— Скрытый поток шёл не в медицинский отдел. Персональные метки были разбиты по ожиданию, доверию, готовности подчиниться предупреждению. Это не мониторинг болезни. Для чего они?

— Рен Астэр, — сказал Орм, — вам разрешено отвечать только в пределах прежней должности.

Рен не посмотрел на меня.

— Метки поступают в контур поведенческих прогнозов. Часть моделей используется для планирования общественной безопасности.

— Часть? — спросила Мара.

— Остальные доступны по коммерческой лицензии.

На экране Лея сняла маску.

— Кто покупает страх Нерее?

— Никто не покупает чувство, — вмешалась Веда. — Клиенты получают вероятностные продукты.

— Как называются продукты? — спросила я.

Нелла Вир открыла регламент.

— Эти сведения не относятся к лицензии лоцмана.

— Тогда моя лицензия не относится к вашим данным. Верните её.

Орм коснулся стола. Передо мной возник список без цен и покупателей.

‘ИНДЕКС СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ.’

‘ВЕРОЯТНОСТЬ ДОБРОВОЛЬНОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ.’

‘ОЖИДАЕМЫЙ СПРОС НА МЕДИЦИНСКИЕ ПОСТАВКИ.’

‘ГОТОВНОСТЬ К ИЗМЕНЕНИЮ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА.’

Последний продукт обновлялся каждые шесть часов.

— Условия какого договора? — спросила Лея.

Веда ответила после короткой паузы:

— Любого, для которого заказчик предоставляет законное основание.

— Например, договора на маяк?

— Например.

Мара перестала вертеть отвёртку.

— Вы отключили маяк, чтобы измерить, на что согласится остров ради его возвращения.

— Это предположение.

— Тогда покажите заказчика.

— Коммерческая тайна.

Лея рассмеялась. Смех был коротким и совсем не весёлым.

— Мы отдали вам сон детей для медицинского предупреждения. Вы превратили его в цену, которую с нас можно взять.

Орм погасил список.

— Никто не продавал персональные данные. Модель выдаёт агрегированную вероятность.

— Построенную на людях, которые не соглашались участвовать, — сказал Рен.

Орм впервые посмотрел на него прямо.

— Ваш допуск аннулирован.

— Поэтому я отвечаю как свидетель.

— Вы сами нарушили протокол, открыв персональный файл.

Рен побледнел, но голос не изменился.

— Да.

Я не хотела защищать его. Не сейчас и не здесь. Но Орм использовал правду как повод не слышать другую правду.

— Его нарушение не делает ваше согласие действительным, — сказала я.

— И ваше тоже, — ответил Орм. — Вы говорите о праве не участвовать в модели, но сами сделали десятки координаторов частью маяка.

Удар пришёл точно.

Я вспомнила голоса, один за другим подтверждавшие рейс. Тала включила учебную тревогу по моей просьбе. Люди узнали факт, но не знали, что их внимание станет берегом.

— Тала? — спросила я.

В наушнике прошёл шорох.

— В сообщении не было предупреждения о включении в контур, — сказала сестра. — Мы не понимали механизм до стабилизации дуги.

— Значит, согласия не было, — заключил Орм. — Ваш распределённый маршрут основан на том же принципе, который вы осуждаете.

Мне хотелось ответить сразу. Найти различие, которое снимет вину: мы спасали людей, времени не было, никто не потерял ориентир. Всё это было правдой. Но не отменяло главного.

— Да, — сказала я. — На первую связку согласия не было.

Мара резко повернулась ко мне.

— Ива...

— Мы обязаны его получить. До следующей доставки каждый участник должен увидеть, что именно удерживает. С возможностью отказаться и отозвать подтверждение.

— Тогда берег распадётся, — сказала Веда.

— Возможно.

— И Нерей останется без канала.

— Это не даёт мне права тайно использовать людей.

Орм откинулся в кресле. На мгновение он выглядел почти довольным.

— Следовательно, вы признаёте маршрут непригодным.

— Нет. Я признаю обязанность изменить его.

— За три часа вы не создали безопасную систему.

— За три часа мы доставили лекарство после того, как ваша безопасная система выключила остров.

Нелла Вир подняла руку.

— Вернёмся к прогнозам. Рен Астэр, вы упомянули обратное влияние результата на поведение. Оно документировано?

— Да.

— Насколько значительно?

— Зависит от формы сообщения. Один процент, показанный как неизбежность, влияет сильнее, чем широкий диапазон с объяснением ошибки.

— Число не может менять событие, — сказала Веда.

— Человек может.

Рен поднял перед собой пустые ладони, будто показывал отсутствие спрятанного инструмента.

— Если поселению сообщить высокую вероятность дефицита, жители начнут запасать лекарства. Спрос вырастет, и прогноз подтвердится. Если паре сообщить вероятность расставания, люди станут искать признаки предательства, скрывать страх, проверять друг друга. Модель измерит новое недоверие и повысит оценку. Это контур самовлияния.

— Пользовательское поведение учитывается в предупреждении, — возразила Веда.

— Мелким текстом после результата.

— Достаточно для информированного решения.

— Нет, — сказал Рен. — Я читал мелкий текст. Он не помешал мне принять вероятность за приказ.

Он всё-таки посмотрел на меня. Не с просьбой простить — хуже было бы, если бы с ней. Просто признал поступок при всех.

— Я увидел прогноз и восемь месяцев делал то, чего он от меня ожидал. Отдалился. Скрывал. Попытался запретить Иве рейс, когда модель повысила вероятность её потери. Каждое действие стало новым подтверждением. Лира продавала не знание будущего. Она продавала людям поведение, которое делало будущее похожим на расчёт.

На моём браслете мигнул входящий пакет.

Отправитель не определился. Заголовок состоял из одной строки:

ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ / БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ.

— Не открывай, — одновременно сказали Тала и Рен.

Я не коснулась файла. Он раскрылся сам на общей панели.

Свет в зале погас. На сером столе возник белый прямоугольник.

ЛИРА / ПРОТОКОЛ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ПРОГНОЗА 7.41

СУБЪЕКТ: ИВА РАН

СОБЫТИЕ: ДОБРОВОЛЬНОЕ ЗАКРЫТИЕ МАРШРУТА ЛИРА—НЕРЕЙ

ГОРИЗОНТ: 72 ЧАСА

Исходная вероятность: 31%

После уведомления субъекта о риске утраты лицензии: 46%

После предъявления риска для участников распределённого контура: 68%

После демонстрации персонального домашнего стимула: 74%

Рекомендуемое воздействие: восстановить доступ к одному утраченному ориентиру при условии подписания отказа от маршрута.

Ожидаемая вероятность согласия после воздействия: 87%.

Примечание: показ результата субъекту допустим, поскольку ознакомление включено в модель как управляющее событие.

Белый прямоугольник исчез.

Я снова почувствовала смолу.

На этот раз запах шёл не из вентиляции. Память сама подставила недостающие части: соль, мокрую сеть, дым. На секунду я увидела пристань целиком. Мать стояла спиной и распутывала узел. Если бы она обернулась, я могла бы услышать голос и не потерять его. Если бы я сделала шаг, доски могли бы узнать мои ноги.

Передо мной зажглась четвёртая карточка.

‘ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОРИЕНТИРА.’

Ниже — условие: закрыть прямой путь к Нерее, признать данные внутренней собственностью Лир и отказаться от претензий по отзыву рейса.

Веда смотрела на Орма. Нелла Вир — на службу безопасности. Лица людей, которые не знали, кто именно только что показал слишком много.

— Это официальный документ? — спросила я.

Орм не ответил.

— Подпись модели подлинная, — сказал Рен. — Но протокол не должен быть доступен в этом зале.

— Значит, кто-то хотел, чтобы я его увидела.

— Или сама система выполнила рекомендацию, — произнесла Мара.

Карточка ждала ладони.

Один утраченный ориентир. Не имитация запаха, а, возможно, настоящий рисунок, снятый с меня раньше. Лира могла хранить копии домашних меток. Могла вернуть их в контур, связать с моей картой, сделать пристань различимой.

Я представила финальный путь без цены. Четыре ориентира вместо трёх. Возможность однажды вернуться к матери не по чужим указаниям, а самой. Это было не удобство. Это было направление, вокруг которого держалась моя жизнь.

— Ива, — сказала Тала.

Только имя. Она знала, что нельзя выбирать за меня.

Я обернулась к Лее.

— Сколько препарата осталось?

— При нынешнем числе заболевших — на девять дней. Если новых будет не больше пяти в сутки.

— Фильтры?

— Одиннадцать дней.

Я посмотрела на Мару.

— Сколько времени на контур согласия?

— Если не делать красиво — сутки на первую версию. Ещё двое на проверку. Каждый увидит нагрузку и сможет выйти. Маяк будет слабее.

— Но будет?

— Если останется достаточно людей.

Рен сидел неподвижно. Его собственный прогноз находился где-то в системе, но сейчас он не говорил мне, что случится после выбора.

Я коснулась не карточки, а края стола. Поверхность была холодной и совершенно настоящей.

— Вы предлагаете вернуть то, что взяли у меня без разрешения, — сказала я. — В обмен на молчание о том, что взяли у других.

— Ориентир утрачен из-за вашего решения сформировать маршрут, — напомнила Веда.

— Решение было моим. Сбор копии — нет.

— Мы не подтверждали наличие копии.

— Тогда вы продаёте то, чего у вас нет.

Я сдвинула карточку к Орму.

— А если есть — это краденое.

Запах смолы усилился. Модель торопилась. Где-то в её расчёте моя пауза уже стала числом.

— Отказ повысит риск для Нерей, — сказал Орм.

— Нет. Ваше условие повысит риск. Не приписывайте мне собственный рычаг.

Я поднялась.

— Я не закрываю путь. До внедрения согласия по нему пойдут только грузы жизненной необходимости, каждую связку утвердят Нерей, лоцман и координаторы. Все участники получат ясное уведомление о нагрузке. Персональные метки из скрытого потока мы исключим.

— У вас нет доступа к контуру, — сказала Веда.

— У вас нет доступа к берегам.

Мара захлопнула футляр с линзами.

— Теперь это особенно удачное обстоятельство.

Нелла Вир снова включила список нарушений, но уже не читала его. На её экране мелькнула копия протокола 7.41. Система успела разослать документ всем участникам слушания. Стереть его так же легко, как рейс, не получится.

— Лицензия Ивы Ран остаётся временно ограниченной, — объявила она. — До технической экспертизы ей запрещены самостоятельные погружения и формирование новых путей. Работа в качестве наземного консультанта прямо не запрещена.

— Вы оставляете лазейку, — заметил Орм.

— Я точно читаю действующее решение.

— Слушание не окончено.

— Медицинский представитель запрашивает перерыв, — сказала Лея. — У меня начался обход.

Экран Нерей погас.

Тала отключила общий канал, но прежде успела сказать:

— Копия у меня.

Орм поднялся. Свет над его креслом погас вместе с ним.

— Вы принимаете надежду за доказательство, Ива Ран. Новый берег держится на людях, которые откажутся, когда увидят цену.

— Тогда он не должен держаться на них.

— А когда остров попросит следующий груз?

— Мы спросим людей. Не модель.

В приёмной воздух был чистым. После искусственной смолы он пах пылью, металлом и дождём с чьей-то мокрой куртки. Обычные запахи не складывались в дом, зато ни один не пытался купить мой выбор.

Рен вышел последним. Остановился на расстоянии двух шагов.

— Я не знал про предложение вернуть ориентир.

— Верю.

Он принял это без облегчения.

— Протокол показал важное. Модель пересчитывала вероятность после каждого воздействия. У нас есть доказательство управляющего контура.

— У нас есть доказательство, что она считает доказательством меня.

— Да.

— И что восемь месяцев она тренировалась на нас.

Он опустил взгляд.

— Да.

Я ждала привычного объяснения: он хотел защитить, боялся, не понимал. Рен не предложил ни одного.

— Что ты сделаешь? — спросила я.

— Передам техническое описание самовлияния Нелле Вир, Лее и всем координаторам, которые подтвердят желание его получить. Без персонального файла. Потом найду договоры на прогнозы Нероя.

— Это решение о работе. Я спрашивала не только о ней.

Он долго молчал.

— Не буду читать наш прогноз снова. Не попрошу тебя доказать, что он ошибается. И не назову расстояние заботой.

Это ещё не было доверием. Но впервые его слова не требовали от меня немедленной награды.

Мара протянула мне футляр с линзами.

— Пойдём строить согласие, пока надежду не начали продавать по подписке.

Мы спустились к гавани. На моём браслете росло число запросов от координаторов. Одни требовали удалить их подтверждения. Другие хотели знать, какую нагрузку приняли. Третьи предлагали остаться берегом до выздоровления последнего пациента.

Я не стала сортировать их на верных и трусливых.

Каждый запрос означал, что на другом конце есть человек, а не показатель.

У входа в башню пришло сообщение от неизвестного адресата. Без угрозы, без прогноза, без цены.

‘МАЯК МАРЫ УЖЕ ГОРИТ. ЛИРА ДОБАВИЛА К НЕМУ ЗАДЕРЖКУ. ИЩИТЕ ТРИНАДЦАТЬ СЕКУНД.’

Я показала экран Маре.

Она перечитала дважды.

— Наш контур опаздывает на тринадцать секунд, — сказала она. — Я думала, линзы старые.

— Значит, кто-то внутри знает, что они не виноваты.

В глубине башни золотая дуга к Нерю дрогнула. Не исчезла — словно берег пытался заговорить, но чужая рука придерживала его голос.

Мара достала инструменты.

— Найдём, где они держат время.

Я пошла за ней.

Дом мне не вернули. Лицензию тоже. Надежда осталась без гарантии.

Зато теперь я знала её настоящую цену: право каждого человека не становиться чужим прогнозом, даже ради хорошего будущего.

Глава 6. Маяк Мары

Тринадцать секунд были слишком малы для человека и слишком велики для реки.

За это время обычный груз не успевал испортиться, пациент — выздороветь, остров — исчезнуть. Но сон менял фазу непрерывно. Маяк, который видел берег с опозданием, каждый раз прокладывал путь туда, где берега уже не было.

Мара вывела на пол башни две золотые линии. Верхняя повторяла сигнал Нероя. Нижняя — то, что принимал наш контур. Изломы совпадали идеально, только нижняя отставала.

— Старые линзы не умеют помнить тринадцать секунд, — сказала она. — У них вообще нет памяти.

— Значит, задержка до них.

— Или после. Лира может принимать наш сигнал вовремя, придерживать и выпускать обратно.

Тала развернула список координаторов, которые ответили на новое уведомление о согласии. Из сорока семи человек двенадцать отозвали подтверждение. Девятнадцать согласились удерживать берег до конца вспышки. Остальные запросили объяснение простыми словами.

— Простыми словами, — прочитала она. — «Когда вы подтверждаете рейс, часть вашего ожидания помогает реке отличить место назначения. Возможны усталость, яркие сны и краткое чувство чужого присутствия. Вы можете выйти в любой момент».

— Добавь, что выход ослабит канал, но не сделает человека виноватым, — сказала я.

— Уже.

На другом конце дуги Лея проверяла нерейскую линзу. Её руки дрожали от долгой смены, однако она трижды отказалась передать работу Веде.

— У нас провод входит прямо в медицинский излучатель, — сказала она. — Никакого блока задержки.

— Сделай петлю на камеру, — попросила Мара.

Лея показала кабель, разъём и пломбу с гербом Леры.

— Пломба откуда? — спросила я.

— Стояла на запасном контуре.

— Утром тоже?

— Нет. Веда принесла после второй доставки. Сказала, что это фильтр помех.

Мара выругалась так изобретательно, что Тала отключила общий канал на половине фразы.

— Не снимайте пломбу, — сказал Рен. Он работал у стены с копиями договоров, не приближаясь к моей панели. — Если внутри устройство Леры, вскрытие объявят уничтожением доказательства.

— А если не снять, следующая связка промахнётся мимо острова, — ответила Лея.

— Можно измерить вход и выход, не вскрывая.

Мара протянула мне два тонких щупа.

— Наконец этик предложил что-то приличное.

Щупы нужно было поставить одновременно на обоих берегах. Я приложила свой к городской линзе, Лея — к нерейской. Тала дала общий отсчёт.

Импульс ушёл от меня.

Тринадцать секунд спустя браслет Леи вспыхнул.

На обратном пути задержка повторилась.

— Симметричная, — сказала Мара. — Значит, её вносит не одна пломба. Нас держат на центральном узле.

Рен приблизил карту служебных каналов.

— Все внешние маяки проходят через часовую решётку Лиры. Она нужна, чтобы поселения засыпали в согласованном окне.

— Нерей вышел из фазы, — сказала я. — Решётка продолжает поправлять его под старое время.

— Автоматика должна отключаться при расхождении больше семи секунд.

— Должна, — повторила Мара. — Люблю это слово. Оно обозначает место, где кто-то уже солгал.

Чтобы проверить решётку, требовался чистый сигнал, не связанный ни с одной памятью. Мара достала из кармана стеклянный шарик.

— Детская игрушка, — объяснила она. — Катишь во сне, утром находишь под подушкой рисунок пути. Ничего личного.

— Почему ты носишь его с собой?

— Потому что взрослые приборы слишком хорошо умеют подчиняться взрослым.

Мы отправили шарик не к Нерей, а по короткой учебной дуге между двумя этажами башни. Он вернулся без задержки. Затем Мара добавила к адресу нерейский код, не меняя путь.

Шарик исчез на тринадцать секунд.

Когда он возник, внутри стекла светилась дополнительная метка: крошечная шестиконечная звезда.

Рен увеличил её.

— Подпись часовой решётки.

— Идентификатор? — спросила Тала.

— Не устройства. Правила.

На панели раскрылся номер: `ЛР-6/ОЖИДАНИЕ`.

Шестое приложение.

Лея молча подвинула к камере свою копию договора. Пять приложений заканчивались согласием на обезличенный медицинский мониторинг. У Лиры шестое, вероятно, разрешало коррекцию ожиданий и времени.

— Нам нужна серверная решётки, — сказала Мара.

— Тебе нельзя входить в Лиру, — напомнила Тала.

— Поэтому войдёт шарик.

Она изменила адрес, заставив учебный маршрут считать серверную промежуточным берегом. Это не было взломом в обычном смысле: мы не открывали дверь и не читали архив. Мы просили реку показать, где она задерживает предмет.

Шарик ушёл.

Через пять секунд на схеме возник новый изгиб. На девятой маршрут раздвоился. На тринадцатой шарик вернулся, но теперь в стекле были две звезды.

Одна обозначала правило. Вторая — человека, подтвердившего его вручную.

`В. СОР`.

Лея закрыла глаза.

— Веда говорила, что маяк на профилактике.

— Возможно, она считает задержку профилактикой, — сказал Рен. — Решётка пытается вернуть Нерей в расчётную фазу. Чем сильнее остров сопротивляется, тем больше расхождение.

— То есть лечение создаёт болезнь, — ответила Лея.

На связь вышла сама Веда.

Её изображение появилось без запроса, поверх карты.

— Немедленно прекратите посылать объекты в служебный контур.

Мара спрятала шарик в карман.

- Какой объект?
- Вы зафиксировали внутренний идентификатор.
- Значит, он существует.
- Часовая коррекция защищает Нерей от полного фазового срыва.
- Лея приблизилась к камере.
- Она отдаляет нас от каждого входящего сигнала.
- Без коррекции общий сон острова распадётся на локальные окна.
- А с ней мы не совпадаем с городом.
- Временный эффект.
- Сколько времени?

Веда не ответила.

Рен открыл таблицу модели. Значения были скрыты, но формула осталась.

— Коррекция завершится, когда поведенческая готовность Нерея к новому договору превысит порог.

Тала тихо присвистнула.

- Они задерживают маяк, пока остров не согласится платить.
- До согласования устойчивого режима, — поправила Веда.
- Назовите цену, — сказала Лея.
- Я не уполномочена обсуждать коммерческие условия.
- Тогда вы не уполномочены держать моих пациентов в тринадцати секундах от лекарства.

Веда отключилась.

Через мгновение часовая решётка закрыла учебные адреса. Золотая дуга потемнела. На Нерее погасла половина отражателей.

- Она усиливает задержку, — сказала Мара. — Четырнадцать. Пятнадцать.
- Можно обойти решётку? — спросила я.
- Можно отказаться от общего времени.

Все замолчали.

Общая фаза связывала город и поселения. Без неё регулярные реки сна исчезали. Но Нерей уже выпадал из расписания; Лира использовала саму попытку вернуть его как повод затягивать петлю.

— Не навсегда, — продолжила Мара. — На одну связку создадим собственный отсчёт между берегами. Не «сколько сейчас в городе», а «сколько прошло после согласия».

— Кто задаст ноль? — спросил Рен.

Я посмотрела на список координаторов. Девятнадцать добровольцев, каждый в своём сне, со своим ожиданием. Если один человек задаст ноль, маршрут снова станет зависеть от личной карты.

— Все, — сказала я. — Связка начнётся не по часам. Когда каждый подтвердит готовность, Тала соберёт ответы. Последнее подтверждение станет нулём.

— Медленно, — возразила Мара.

— Зато Лира не сможет задержать то, что ещё не имеет времени.

Тала разослала условия. Двое отказались. Один заснул раньше, чем дочитал. Осталось шестнадцать.

Ответы приходили неровно.

Готова.

Понимаю нагрузку.

Остаюсь до доставки.

Каждый голос зажигал точку вдоль дуги. На Нерее Лея собрала пятерых жителей: мед-сестру, техника фильтров, учительницу и двух родителей заболевших детей. Никто не обещал держать берег дольше одной связки.

Это было правильно. Вечные обещания особенно легко добывать у испуганных людей.

Последним ответил Кер Олан.

— Я согласен вести груз, если никто не будет называть меня героем и добавлять мой страх в отчёт.

— Принято, — сказала Тала.

Её слово стало нулём.

Золотая дуга вспыхнула одновременно на обоих берегах. Часовая решётка попыталась вставить задержку, но не нашла метки начала. На схеме появились тринадцать пустых делений — и рассыпались.

Кер провёл пробный контейнер с водой. Он дошёл за восемнадцать секунд по нашему отчёту и за неизвестное число секунд по часам Лиры.

Лея подняла контейнер перед камерой.

— Получено.

Шестнадцать городских точек повторили подтверждение. Пять нерейских ответили им. Река стала шире не от массовости, а от совпадения решений.

Мара сохранила схему в открытом формате.

— Это ещё не постоянный маяк, — сказала она. — Но теперь задержку видно. И её можно не принимать.

На моём браслете пришло сообщение с того же неизвестного адреса.

ВЫ НАШЛИ ПРАВИЛО. НЕ ИЩИТЕ МЕНЯ. СЛЕДУЮЩИЙ ФАЙЛ — ТОТ, КОТОРЫЙ ИВА НЕ ХОЧЕТ ЧИТАТЬ.

Рен увидел строку и отступил ещё на полшага, словно сообщение само нарушало установленную границу.

— Персональный прогноз, — сказал он.

— Мой или наш?

— Для модели это один файл.

Я закрыла уведомление.

— Тогда искать будем не будущее. Будем искать, кто и зачем открывает его вместо меня.

В башне погас аварийный свет. Нерей оставался вне общей фазы, но впервые это не означало, что он опаздывает. У острова появился собственный ноль — момент, выбранный людьми по обе стороны реки.

Мара вложила стеклянный шарик мне в ладонь.

Внутри ещё светились две звезды: правило и подпись Веды.

— Сохрани, — сказала она. — У дома может не быть меридиана. У доказательства должен быть адрес.

Я убрала шарик в карман рядом с четырьмя оставшимися ориентирами.

До следующего груза было девять часов. До слушания — неизвестно. До того, как кто-то снова откроет закрытый файл, могло остаться несколько минут.

Но сейчас маяк Мары горел без разрешения Лиры.

Глава 7. Не спрашивать будущее

Первое открытие моего файла произошло восемь месяцев назад. Рен не спорил с этой строкой.

Второе — прошлой ночью, когда Нерей начал выпадать из общей фазы.

Третье случилось сорок две минуты назад.

Мы смотрели на журнал доступа в комнате без окон, под башней Мары. Здесь хранили старые карты течений: бумажные, выцветшие, бесполезные для машин и поэтому всё ещё целые. Мара поставила стеклянный шарик в медное кольцо посреди стола. Две звезды внутри него отбрасывали на потолок резкие тени.

— Кто дал нам журнал? — спросила Тала.

— Никто, — ответил Рен. — И это хуже всего.

После аннулирования этического допуска он не мог запросить даже оглавление архива. Но персональный файл был построен с участием его данных, и Лира обязана была показывать ему уведомления о каждом новом ознакомлении. Уведомления приходили. Имена — нет.

На панели повторялись три одинаковые записи:

‘СУБЪЕКТ ДОСТУПА: ДОВЕРЕННЫЙ НАБЛЮДАТЕЛ.’

‘ОСНОВАНИЕ: ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ВРЕДА.’

‘ОБЪЁМ: ПОЛНЫЙ ПРОГНОЗ, СЦЕНАРНЫЕ ВЕТВИ, КОЭФФИЦИЕНТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ.’

— Доверенный кем? — спросила я.

— Системой, — сказал Рен.

— Система не умеет доверять.

— Поэтому я и сказал, что хуже всего.

Тала увеличила время третьего открытия. Оно совпадало с моментом, когда мы создавали собственный ноль для Нерея. Кто-то читал наше вероятное будущее, пока шестнадцать координаторов и пятеро жителей острова решали, участвовать ли в связке.

Я почувствовала знакомый зуд в пальцах — желание открыть файл самой и лишиться неизвестного преимущества. Это желание было не любопытством. Любопытство спрашивает, что там. Страх убеждает, что знание уже принадлежит другим и потому ты обязана догнать их.

Я положила ладони на стол.

— Не показывайте мне содержание, даже если оно всплывёт в журнале.

Мара кивнула сразу. Тала — после короткой паузы.

Рен сказал:

— Понял.

— Повтори точнее.

Он выдержал мой взгляд.

— Если при расследовании откроется текст прогноза, я закрою его и не стану пересказывать тебе ни вывод, ни вероятность, ни сценарные ветви. Даже если решу, что это может тебя защитить.

— Особенно тогда.

— Особенно тогда.

Восемь месяцев назад он тоже хотел защитить меня. Из этой защиты выросли молчание, уход и чужое право заранее решить, какой боли я не выдержу. Теперь между нами лежало не прошлое чувство, а проверяемое действие: сможет ли он остановиться в точке, где уверен в своей правоте.

Мара вынула шарик из кольца.

— У файла есть адрес в реке?

— У любого активного прогноза есть, — ответил Рен. — Модель должна получать новые измерения.

— Значит, не полезем в архив. Посмотрим, откуда в него течёт внимание.

Она развернула старую карту подземных каналов. Я ожидала увидеть золотые линии, но бумага оставалась серой.

— Это карта бодрствования, — объяснила Мара. — На ней нет реки. Ива дорисует.

Моя лицензия запрещала погружения и прокладку новых путей. Однако никто не мог запретить лоцману помнить, как выглядит течение. Я взяла карандаш. Адрес персонального файла Рен назвал по частям, не произнося код целиком: сектор, глубина, частота пересчёта. Я отмечала не путь к содержанию, а служебные отводы вокруг него.

Первый шёл от медицинского архива Нероя.

Второй — от моей капсулы.

Третий — от городской сети голосов.

— Голос матери, — сказала Тала.

У меня сжалось горло.

— Не только. Вся сеть. Разговоры с диспетчерами, подтверждения рейсов, вызовы домой.

Четвёртый отвод оказался странным: он не приносил данные, а возвращал их наружу. Тонкая петля уходила в распределительный узел прогнозов и там ветвилась на тысячи почти невидимых нитей.

— Воздействия, — сказал Рен. — Модель не просто наблюдает. Она проверяет, как меняется результат после подсказок.

— Каких подсказок?

— Нам нельзя узнавать конкретные.

Я посмотрела на него.

— Потому что это раскроет прогноз?

— Потому что мы начнём искать их в каждом слове. Даже ложная догадка станет воздействием.

Он произнёс это без привычной уверенности. Не как этик, разъясняющий правило, а как человек, который однажды прочитал вероятность и после этого видел её подтверждение в каждом моём жесте.

— Хорошо, — сказала я. — Ищем не смысл подсказок. Ищем доставку.

Тала выгрузила все уведомления, пришедшие нам за последние сутки. Ограничение лицензии. Предложение вернуть копию утраченного ориентира. Сообщения неизвестного. Перенос слушания. Предупреждение о риске повторного погружения. Даже приглашение в столовую башни.

— Чай с мятой тоже воздействие? — спросила Мара.

— Если его прислала модель, — сказал Рен.

Мара отодвинула чашку.

Мы не могли проверять тексты, не превращая проверку в чтение будущего. Поэтому Тала сравнивала только технические оболочки: время, маршрут, ключ отправителя, задержку между созданием и доставкой. Я наносила точки на бумагу.

Через двадцать минут проявился рисунок.

Большинство сообщений приходило обычными каналами. Четыре — предложение об ориентире, перенос слушания и два предупреждения неизвестного — перед доставкой касались одного и того же узла. Узел находился в секторе публичных прогнозов, где Лира продавала городским службам обезличенные оценки настроений.

— Кто имеет туда доступ? — спросила я.

— Службы, купившие подписку, — ответил Рен. — Транспорт, больницы, рынки, управление сном. И любой человек, который смотрит бесплатный городской прогноз.

— То есть почти все.

— Почти.

Тала открыла публичную ленту на чистой панели. На главной странице пульсировало число: вероятность спокойной ночи — шестьдесят восемь процентов. Ниже шли рекомендации закрыть окна, отложить трудные разговоры и выбирать знакомые маршруты.

— Отложить трудные разговоры, — прочитала Мара. — Удобно.

Я взглянула на Рена. Он не отвёл глаз.

— Восемь месяцев назад была похожая рекомендация? — спросила я.

— Не помню.

— Не угадывай.

— Не буду.

Тала отключила изображения и оставила только служебные метки. Бесплатный прогноз пересчитывался каждые одиннадцать минут. За секунду до каждого пересчёта распределительный узел запрашивал несколько закрытых персональных моделей, будто пробовал город на вкус. Наш файл входил в выборку трижды.

— Он не просто чей-то секрет, — сказала Тала. — Это датчик.

Рен побледнел.

— Персональные модели нельзя использовать в публичном прогнозе без отдельного согласия.

— Которого у Ивы нет, — сказала Мара.

— И у меня.

На следующем пересчёте мы увидели запрос вживую. Узел коснулся файла на долю секунды. Журнал отметил четвёртое открытие доверенным наблюдателем.

Одновременно число спокойной ночи снизилось до шестидесяти четырёх процентов.

По городу разошлось уведомление:

‘ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФОН НЕУСТОЙЧИВ. ИЗБЕГАЙТЕ НЕЗНАКОМЫХ СНОВ. НЕ ПРИНИМАЙТЕ РЕШЕНИЙ О БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ ДО УТРА.’

Я не читала свой файл. Но мой город уже получал инструкции, вычисленные с его помощью.

— Это и есть тот, кто открывает его вместо меня, — сказала я. — Не человек.

— Правило мог включить человек, — возразил Рен. — Как Веда включила задержку.

— Найдём правило.

Для этого нужен был запрос из публичной ленты к нашему файлу. Не содержание, только маршрут и подпись. Стекланный шарик мог пройти следом, но адрес персональной модели был защищён: любой посторонний объект система сочла бы попыткой чтения.

— А если объект ничего не умеет запоминать? — спросила Тала.

Мара улыбнулась впервые за ночь.

Она разобрала шарик на две прозрачные половины и вынула светящуюся нить. Без неё игрушка не могла принести рисунок пути. Оставалась простая стеклянная бусина.

— Она не вернётся с данными, — сказал Рен.

— Нам не нужны данные. Нам нужно увидеть, куда её не пустят.

Мы дождались следующего пересчёта. Когда публичный узел потянулся к файлу, Мара пустила бусину рядом с запросом. На карте возникла золотая точка. Она прошла распределительный сектор, спустилась к закрытому архиву и остановилась перед чёрной полосой.

Система отказала ей в доступе.

Но перед отказом присвоила роль.

‘НАБЛЮДАТЕЛЬ: ГОРОДСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СНА.’

‘ПРАВИЛО: ЛР-12/ПРЕВЕНТИВНОЕ СНИЖЕНИЕ.’

‘УСЛОВИЕ: РИСК КОЛЛЕКТИВНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КАСКАДА.’

Бусина лопнула. Не со звоном — во сне звук пришёл позже. Сначала я увидела, как стеклянная пыль повисла над картой, и только потом услышала треск.

— Коллективный каскад, — повторила Тала. — Что это?

Рен закрыл служебную строку, прежде чем за ней успел раскрыться прогноз.

Он сделал это быстро. Без вопроса ко мне, но именно так, как обещал.

— Техническое название массового кошмара, который поддерживает сам себя, — сказал он. — Один спящий видит угрозу, сосед подхватывает чувство, маяки принимают его за берег. Чем больше людей пытаются проснуться, тем устойчивее становится сон.

— Лира ожидает такой каскад сегодня?

— Мы не будем читать вывод.

Мара посмотрела на него с неожиданным одобрением.

— Тогда почему число спокойной ночи падает?

— Потому что модель включает превентивное снижение: рассылает предупреждения, ограничивает незнакомые маршруты, советует откладывать разговоры.

— И пугает город каскадом, которого пытается избежать, — сказала я.

Схема была той же, что на Нерее. Коррекция времени создавала расхождение. Предупреждение о страхе приносило страх. Прогноз получал новые подтверждения и становился точнее не потому, что лучше видел будущее, а потому, что прокладывал к нему дорогу.

На панели спокойная ночь подешевела ещё на четыре процента.

С улицы донёсся первый общий сигнал: мягкие три ноты, которыми город просил бодрствующих завершить дела и готовиться к синхронному сну. Обычно после него окна гасли постепенно. Теперь свет вспыхнул сразу в десятках домов. Люди читали предупреждение.

— Нужно остановить рассылку, — сказала Тала.

— Если просто отключить её, служба безопасности объявит, что мы скрыли угрозу, — ответил Рен. — И паника усилится.

— Если оставить, она сама соберёт себе доказательства.

Я смотрела на карту. Тысячи нитей тянулись от распределительного узла к спальням. Мы не могли перерезать их. Но у каждой реки были два берега: тот, кто отправляет, и тот, кто принимает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.